

Часть 3. После Октября

- Глава I. Большевики у власти. Различия между ними и анархистами
- Глава II. По наклонной плоскости
- Глава III. Анархистские организации
- Глава IV. Неизвестная (анархистская) печать в русской Революции: ее голос, ее борьба, ее конец
- Глава V. Несколько случаев из жизни

Глава I. Большевики у власти. Различия между ними и анархистами

Борьба между двумя концепциями Социальной Революции — государственническо-централистской и либертарно-федералистской — в России 1917 года была неравной.

Победила государственническая концепция. Вакантный престол заняло большевистское правительство. Его бесспорным руководителем был Ленин. На него и его партию была возложена задача остановить войну, решить все проблемы Революции и повести ее по пути подлинной Социальной Революции.

Политическая идея одержала верх. Вскоре она себя показала. Рассмотрим теперь, как это происходило.

Новое — большевистское — правительство на самом деле было правительством интеллектуалов, доктринеров от марксизма. Захватив власть, заявив, что представляют всех трудящихся и единственные знают, как привести страну к социализму, они понимали свое правление прежде всего как издание декретов и законов, которые трудящиеся массы должны были одобрять и исполнять.

В начале правительство с Лениным во главе сделало вид, что лишь выполняет волю трудового народа; во всяком случае, оно стремились оправдать в глазах этого народа свои решения и действия. Так, например, все его первоначальные меры, такие, как первый шаг в направлении заключения немедленного мира (декрет от 28 октября 1917 г.) и декрет, предоставлявший землю крестьянам (26 октября 1917 г.), были приняты Съездом Советов, поддержавшим правительство. Впрочем, Ленин заранее знал, что декреты эти с удовлетворением воспримут и народные массы, и революционные круги. По сути своей, они лишь узаконивали существующий порядок вещей.

Точно также Ленин счел необходимым оправдать роспуск Учредительного Собрания (в январе 1918 г.) перед Исполкомом Советов.

Этот акт революции — один из первых — заслуживает подробного рассмотрения.

Читателю известно, что анархисты, сообразуясь со своей социальной и революционной концепцией, противились созыву Учредительного Собрания.

Вот как они излагали свою позицию в редакционной статье своей петроградской газеты «Голос Труда» (№ 19 от 18 ноября-1 декабря 1917 г.):

«Товарищи рабочие, крестьяне, солдаты, матросы, все трудящиеся!

Идут выборы в Учредительное Собрание.

Оно, вероятно, скоро соберется и начнет заседать.

Все политические партии (*в том числе и большевики*) передают дальнейшую судьбу революции, страны и трудящегося люда в руки этого «полномочного» центрального органа.

Наш долг — предупредить вас по этому поводу относительно двух возможных опасностей.

Первая опасность. — Большевики не окажутся в Учредительном Собрании в значительном большинстве (или даже вовсе не окажутся в большинстве).

В этом случае Учредительное Собрание будет еще одним лишним политическим, коалиционным (сборным), буржуазно-социалистическим органом в стране; еще одной нелепой политической говорильней, вроде «Московского Государственного Совещания», Петроградского «Демократического Совещания», «Совета Республики» и т. п. Оно погрязнет в спорах и пререканиях. Оно будет тормозить Революцию.

Эта опасность не чересчур уж важна только потому, что в этом случае массы — надо надеяться — сумеют снова с оружием в руках отстоять Революцию и двинуть ее вперед, по верной дороге.

По поводу этой опасности мы должны, однако, сказать, что такая новая и лишняя передрыга совершенно не нужна трудящимся массам. Массы могут и должны были бы обойтись без нее. Вместо того, чтобы тратить огромные средства и силы на организацию нелепого учреждения (а трудовая революция пока что опять останавливается!..); вместо того, чтобы отдавать впереди снова силы и кровь на борьбу с этим нелепым и ненужным учреждением, опять «спасая Революцию» и отодвигая ее с новой мертвой точки, — вместо всего этого те же силы и средства могли бы быть затрачены с великой и ясной пользой для Революции, страны и народа *на прямую организацию трудящихся масс на низах, по деревням, городам, предприятиям, полям, рудникам и т. д.; на естественное, свободное, прямое и непосредственное, трудовое, а не партийно-политическое, объединение этих организаций снизу, в вольные города и вольные деревни, в вольные общины (коммуны) по местностям, районам и областям, на энергичную деятельность этих организаций по снабжению сырьем и топливом, по улучшению перевоза (транспорта), по налаживанию обмена и всего нового хозяйства; на прямую борьбу с остатками контрреволюции (главным образом, с сильно мешающим делу калединским движением на юге).*

Вторая опасность. — Большевики окажутся в Учредительном Собрании в значительном большинстве.

В этом случае они, легко справившись с «опозицией» и без особого труда раздавив ее, станут твердо и прочно хозяевами («законными» хозяевами!) страны и положения, явно признанными «большинством населения». Это как раз и есть то, чего добиваются большевики от Учредительного Собрания и для чего оно им необходимо. Оно должно окончательно укрепить и «узаконить» их политическую власть в стране.

Эта опасность, товарищи, гораздо более важна и серьезна, чем первая.

Будьте начеку!

Укрепив, упрочив и узаконив свою власть, большевики, будучи социал-демократами, политиками и государственниками, т. е. *людьми власти*, начнут из центра — властным, повелевающим образом — устроить жизнь страны и народа. Они будут приказывать и распоряжаться из Петрограда по всей России. Ваши *Советы и другие организации на местах* должны будут понемногу стать *простыми исполнительными органами* воли центрального правительства. Вместо естественной трудовой стройки и свободного объединения *снизу* будет водворяться властный, политический, государственный аппарат, который *сверху* начнет все зажимать в свой железный кулак. Места, Советы, организации должны будут слушаться и повиноваться. Это будет называться «дисциплиной». И горе тому, кто не будет согласен с центральной властью и не сочтет нужным и полезным подчиняться ей! Сильная «всеобщим признанием населения», она *заставит* его повиноваться.

Будьте начеку, товарищи! Замечайте хорошенько и запоминайте крепко.

Чем прочнее и вернее будут успехи большевиков, чем тверже будет становиться их положение — тем яснее и определеннее будут они *властвовать*, т. е. проводить, осуществлять и отстаивать свою твердую, политическую, центральную государственную власть. Они начнут категорически приказывать местам, местным организациям и Советам. Они начнут, не останавливаясь — быть может — и перед применением вооруженной силы, проводить сверху желательную им политику.

Чем более ярким и прочным будет их успех, — тем более ясной будет становиться эта опасность: ибо тем увереннее и тверже будут они действовать. Каждый новый успех будет (вы увидите это!) все сильнее и сильнее кружить им головы. Каждый новый день их успеха будет приближать истинную Революцию к опасности. Нарастание их успеха будет нарастанием этой опасности.

Вы можете видеть это уже теперь.

Присмотритесь внимательно к последним распоряжениям и приказам новой власти.

Вы заметите, уже теперь, ясно прорывающееся стремление большевистских верхов к властно-политическому устройству жизни из центра. Уже теперь отдаются ими «приказы» по России. Уже теперь ясно видна у них склонность понимать лозунг «власть Советам» как власть центрального учреждения в Петрограде, которому должны быть подчинены, в качестве простых исполнительных органов, Советы и организации на местах.

Это — *теперь*, когда они еще сильно чувствуют свою зависимость от масс и, конечно, опасаются дать повод к разочарованию. Теперь, когда успех их еще не совсем обеспечен и держится целиком на отношении к ним масс...

Что же будет тогда, когда их полный успех станет твердым фактом, и массы окружают их восторженным и прочным доверием!..

Товарищи — рабочие, крестьяне и солдаты!

Помните всегда об этой опасности.

Будьте готовы к тому, чтобы отстаивать истинную Революцию и действительную свободу ваших организаций и вашей жизни на местах от гнета и насилия новой политической власти, нового хозяина — централизованного государства, новых властителей — вожаков политической партии.

Будьте готовы к тому, чтобы в случае, если успехи большевиков вскружат им головы и сделают их властителями, эти их *успехи* стали их *гибелью*.

Будьте готовы к тому, чтобы вырвать Революцию из новой тюрьмы!..

Помните, что только *вы сами* — при посредстве ваших собственных организаций на местах — должны и *сможете* творить и строить вашу новую жизнь. Иначе — вам не видать ее!

Большевики часто *говорят* вам то же самое.

Тем лучше, если они, в конце концов, исполнят свои слова.

Но, товарищи, все новые властители, положение которых зависит от сочувствия и доверия масс, говорят вначале сладким языком. И Керенский «стлал мягко» в первые дни; да после стало «жестко спать».

Присматривайтесь, прислушивайтесь не к *словам и речам*, а к *делам и поступкам*. И если найдете малейшее противоречие между тем, что люди *говорят* вам, и тем, что они *делают*, — будьте настороже!..

Не доверяйте словам!

Верьте только делам и фактам.

Не доверяйте Учредительному Собранию, партиям и вождям!

Верьте только самим себе и Революции.

Только *вы сами* — то есть ваши непосредственные трудовые и беспартийные организации на местах и их прямое, стройное объединение по местам, районам и областям — должны быть хозяевами и строителями новой жизни, а не Учредительное Собрание, не центральное

правительство, не партии и «вожди».

В другой статье (в № 21 «Голоса Труда» от 2-15 декабря 1917 г., редакционная статья «Вместо Учредительного Собрания») анархисты писали:

«Известно, что мы, анархисты, отрицаем Учредительное Собрание, считая его не только совершенно ненужным, но и прямо вредным для дела Революции.

Очень немногие, однако, дают себе ясный и правильный отчет в том, *откуда именно* вытекает у нас такая точка зрения.

Между тем, существенен и характерен вовсе не самый *факт* отрицания. Существенны и *причины*, которые к нему приводят.

Мы отрицаем Учредительное Собрание не из каприза, не из упрямства или духа противоречия. Мы не «просто и только отрицаем»: мы приходим к отрицанию *логически* — потому что считаем единственно важным и полезным для трудящихся делом во время Социальной Революции — устройство новой жизни самими трудящимися массами, снизу, при помощи непосредственными массовых экономических организаций, а не сверху, при посредстве политического властного центра.

Мы отрицаем, потому что ставим *на место Учредительного Собрания* совершенно иной «учредительный» институт — *естественно объединяя снизу трудовую* (рабоче-крестьянско-солдатскую) *организацию*.

Мы отодвигаем Учредительное Собрание потому, что выдвигаем на его место иное.

Мы не хотим, чтобы одно мешало другому...

Большевики, с одной стороны, признают непосредственную, *классовую* организацию трудящихся (Советы и пр.), а с другой — сохраняют нелепое внеклассовое Учр[едительное] Собр[ание]. Мы считаем такую двойственность противоречивой, крайне вредной и опасной. Она является, конечно, неизбежным результатом того, что большевики, будучи «социал-демократами», *вообще* путаются в вопросах «политики» и «экономики», «власти» и «безвластия», «партии» и «класса». Они *не решаются* окончательно и вполне отказаться от мертвых предрассудков, ибо для них это означало бы броситься, не умея плавать, в открытое море.

Нельзя не путаться в противоречиях людям, которые во время пролетарской революции считают главной задачей *организацию власти*.

Мы отрицаем эту «организацию власти» именно потому, что *выдвигаем на ее место организацию Революции*.

Организация власти упирается логически в Учредительное Собрание.

Организация революции приводит, логически же, к совершенно иному построению, в котором Учредительному Собранию просто нет места и которому Учредительное Собрание просто мешает.

Вот почему мы отрицаем Учредительное Собрание».

Большевики решили созвать Собрание, заранее приняв решение занять в нем господствующие позиции или же, в случае, если не наберут большинства (что в тот момент было не так уж невероятно), распустить его.

И в январе 1918 г. Учредительное Собрание было создано. Несмотря на все усилия партии большевиков, три месяца стоявшей у власти, большинство в нем оказалось антибольшевистским. Этот результат полностью подтвердил прогнозы анархистов. «Если бы трудящиеся, — говорили они, — спокойно занимались своим делом — экономическим и социальным строительством, — не заботясь о политических комедиях, огромное большинство населения в итоге последовало бы по этому пути. А теперь на них свалилась еще одна ненужная забота»...

Но несмотря на явную никчемность этого Собрания, «работа» которого велась в атмосфере всеобщего угрюмого безразличия (действительно, никчемность и непрочность этого института ощущали все), большевистское правительство некоторое время не решалось распустить его.

Потребовалось практически случайное вмешательство одного анархиста, чтобы Учредительное Собрание было, наконец, распущено. Этот исторический факт мало известен.

Действительно, большевистское правительство непреднамеренно назначило анархиста, кронштадтского матроса Анатолия Железнякова, командиром отряда, охранявшего зал заседаний собрания[13].

Уже несколько дней[14] бесконечные речи вождей политических партий — которые безо всякой пользы затягивались до глубокой ночи — утомляли и раздражали охрану Собрания, вынужденную всякий раз дежурить до окончания заседаний.

Однажды ночью — большевики и левые эсеры покинули заседание после совместного заявления в адрес представителей правых, и выступления шли своим чередом — Железняков во главе своего отряда вошел в зал заседаний, подошел к креслу председателя и сказал последнему (это был правый эсер В. Чернов): «Закрывайте заседание, пожалуйста, мои люди устали!»

Растерянный и возмущенный председатель запротестовал. «Говорю вам, что караул устал, — угрожающе повторил Железняков. — Прошу вас покинуть зал заседаний. А впрочем, довольно с нас этой говорильни! Хватит, наболтались! Уходите!»

Собрание повиновалось[15].

Правительство большевиков использовало этот инцидент, чтобы на следующий день издать декрет о роспуске Собрания.

Страна не шелохнулась[16].

Позднее Исполком Советов утвердил это правительственное решение.

Все шло «как надо» — до того момента, когда воля «управляющих» вступила в противоречие с волей «управляемых», «народа».

И тогда ситуация изменилась.

Это произошло во время немецкого наступления, в феврале 1918 г.

После Октябрьской революции немецкая армия на российском фронте некоторое время бездействовала. Ее командование выжидало, когда можно будет извлечь максимальные преимущества из сложившейся ситуации.

В феврале 1918 г., решив, что время настало, оно предприняло наступление против революционной России.

Следовало определить, как поступить. Соппротивление было невозможно, русская армия не могла воевать. Нужно было найти выход из положения. И одновременно решить первоочередную проблему Революции — проблему войны.

Из сложившейся ситуации виделось только два возможных выхода:

1. Оголить фронт: позволить немецкой армии двигаться внутрь охваченной революцией страны; завлечь ее как можно дальше, чтобы таким образом изолировать ее, оторвать от баз снабжения, вести против нее партизанскую войну, деморализовать ее, разложить и т. д., защищая при этом Социальную Революцию; такая стратегия оправдала себя в войне 1812 года и всегда была возможной в такой огромной стране, как Россия.
2. Вступить в переговоры. Предложить немцам мир и заключить его, каковы бы ни оказались последствия.

За первый вариант выступали почти все высказавшиеся по этому вопросу рабочие организации, а также левые эсеры, максималисты, анархисты. Они придерживались мнения, что лишь такое поведение достойно Социальной Революции; что только так можно обратиться к немецкому *народу* напрямую, через головы его генералов и правителей; только так можно не дать угаснуть революционному порыву в России и, как следствие, надеяться на начало революции в Германии и других странах. Короче говоря, сторонники подобного решения полагали, что подобное действительно впечатляющее прямое действие *в условиях такой страны, как Россия*, является единственным достойным способом защиты Революции.

Вот что писал по этому поводу «Голос Труда» (№ 27 от 24 февраля 1918 г.) в статье, озаглавленной «О революционном духе»:

«Мы подошли к роковой грани — к решительному перелому. Стучит минута чеканной ясности и исключительной трагичности. Положение определилось. Вопрос поставлен ребром. Сегодняшний день решит, подписывает или не подписывает правительство мир с Германией. От этого дня, от этой минуты зависит *дальнейший ход и русской революции, и мировых событий.*

Условия поставлены Германией открыто и полно. Мнения многих «видных» членов партий и членов правительства — известны. Единства нет нигде. Раскол среди большевиков. Раскол среди левых эсеров. Раскол в Совете Народных Комиссаров. Раскол в Петроградском Совете и в ЦИК. Раскол в массах, по фабрикам, заводам и казармам. Отношение провинции мало выяснилось...»

(Выше мы говорили, что левые эсеры, а также трудящиеся массы Петрограда и провинции выступали *против* подписания мирного договора с немецкими генералами.)

«Срок германского ультиматума — 48 часов. При таких условиях вопрос волей-неволей будет обсуждаться и решаться спешно, в замкнутых правительственных кругах. И это — едва ли не самое ужасное...

Наше мнение известно читателям. С самого начала мы были против «мирных переговоров». Мы теперь — против подписания мира. Мы за немедленную энергичную организацию партизанского сопротивления. Мы считаем, что телеграмма правительства с просьбой мира должна быть аннулирована; что вызов должен быть принят, и судьба революции должна быть открыто и прямо вручена в руки пролетариев всего мира.

Ленин настаивает на подписании мира. И — если верить имеющимся сведениям — значительное большинство пойдет за ним. Мир будет подписан...

Только уверенность в *конечной непобедимости этой революции* заставляет нас не смотреть на эту возможность *чересчур мрачно*. Но что подписание мира окажется сильнейшим ударом по революции, надолго *затормозит* и *исказит* ее — в этом мы абсолютно убеждены.

Мы знакомы с аргументацией Ленина — в особенности, по статье его «О революционной фразе» («Правда», № 31). Эта аргументация не убедила нас».

Затем автор статьи кратко критикует аргументацию Ленина и противопоставляет ей свою точку зрения, заканчивая следующим образом:

«Главное — мы абсолютно убеждены, что принятие нами предлагаемого мира затянет Революцию, «принизит» ее. Сделает ее надолго хилой, серенькой, тусклой, худосочной... Принятие мира пригнет Революцию к земле. Обескрылит ее... Заставит ползать...

Ибо *революционный дух, великий энтузиазм борьбы, смелый размах и полет величайшей идеи всемирного освобождения* — будут отняты у нее.

Свет ее — погаснет для мира».

Большинство Центрального Комитета РКП(б) сначала высказалось в пользу первого предложения. Но Ленин испугался такого поспешного решения. Как настоящий диктатор, он доверял массам лишь в том случае, если ими управляли вожди и политики, хотя бы посредством формальных приказов и закулисных махинаций. Он заявил, что в случае отказа подписать предложенный немцами мир Революции грозит смертельная опасность. И указал на необходимость «передышки», которая позволила бы создать *регулярную армию*.

Впервые с начала Революции он решил не считаться с мнением народа и даже своих товарищей. Последним он угрожал сложить с себя всякую ответственность и покинуть заседание, если его воля не будет исполнена. Товарищи, в свою очередь, побоялись лишиться «великого вождя Революции». Они уступили. Мнением же народных масс откровенно пренебрегли. Мир был подписан.

Так в первый раз «диктатура пролетариата» взяла верх над пролетариатом. В первый раз *большевицкой власти удалось запугать массы, навязать им свою волю, действовать по своему усмотрению, пренебрегая мнением остальных*.

Брестский мир был *навязан* трудовому народу правительством большевиков. Народ хотел завершить войну иначе. Но правительство решило «уладить» все самостоятельно. Оно ускорило события и не восприняло всерьез сопротивления масс. Ему удалось заставить их замолчать, принудить к повиновению, *пассивности*.

Вспоминаю, как в это лихорадочное время случайно встретил видного большевика Н. Бухарина (казненного впоследствии после одного из пресловутых московских процессов). Я познакомился с ним еще в Нью-Йорке, с тех пор мы не виделись. Идя по коридору Смольного (где в то время заседало правительство большевиков), куда пришел по делу нашей организации, я увидел Бухарина, спорившего, оживленно жестикулируя, в сторонке с группой большевиков. Он узнал меня и жестом подозвал. Я подошел к нему. Переполняемый эмоциями, он тут же принялся жаловаться на поведение Ленина по вопросу о мире. Бухарина огорчали собственные разногласия с вождем. Он подчеркнул, что по этому вопросу полностью согласен с левыми эсерами, анархистами и народными массами в целом. И с ужасом заявил, что Ленин не желает ничего слушать, что «ему наплевать на мнение других», что он «стремится всем навязать свою волю, свою неправоту и запугивает партию, угрожая отказаться от власти». Бухарин считал, что ошибка Ленина окажется роковой для Революции. И это его ужасало.

— Но, — сказал я ему, — если вы не согласны с Лениным, вам остается только настаивать на своей позиции. Тем более, что вы не один. А впрочем, даже если бы вы были один, у вас, думается, такое же право, как и у Ленина, иметь собственное мнение, ценить, разъяснять и отстаивать его.

— Ох, — прервал он меня, — да что вы? Вы представляете себе, что это означает: бороться против Ленина? Это было бы ужасно. Это автоматически повлекло бы за собой мое исключение из партии. Это означало бы выступить против всего нашего прошлого, против

партийной дисциплины, против товарищей по борьбе. Мне пришлось бы стать причиной раскола в партии, увести за собой других бунтовщиков, создать отдельную партию, чтобы бороться с партией Ленина. Старина, вы хорошо меня знаете: способен ли я стать вождем партии и объявить войну Ленину и партии большевиков? Нет, не будем самообольщаться!

У меня нет данных руководителя. А даже если бы и были... Нет, нет, я не могу, не могу так поступить.

Он был очень смущен. Он обхватил голову руками. Он почти плакал.

Торопясь и чувствуя невозможным продолжать дискуссию, я оставил его предаваться отчаянию.

Как известно, позднее он поддержал Ленина — быть может, лишь на словах.

Таково было первое серьезное разногласие между новым *правительством* и *управляемым* народом. Оно было разрешено в пользу *установившейся* власти.

Это была первая ложь. Первый шаг — но самый непростой. Отныне все должно было идти «своим ходом». Впервые безнаказанно поправ волю трудящихся масс, впервые взяв на себя инициативу, новая власть набросила, так сказать, петлю на Революцию. Затем оставалось лишь затянуть ее, чтобы вынудить и в конечном итоге приучить массы следовать за руководством, лишить их *всякой* инициативы, полностью подчинить себе и загнать Революцию в рамки диктатуры.

Так и произошло. Ибо *подобным образом неизбежно ведет себя всякое правительство. Таким путем неизбежно идет всякая Революция, не отвергнувшая государственническую, централистскую, политическую, правительственную идею.*

Это путь под откос. Стоить лишь ступить на него, и скольжение уже ничто не остановит. Причем ни правители, ни управляемые поначалу не замечают этого. Первые (если они искренни) верят, что выполняют свое предназначение, делают необходимое, спасительное дело. Вторые, ослепленные, подчиненные, следуют за ними... И когда, наконец, первые, а особенно, вторые начинают осознавать свою ошибку, оказывается слишком поздно. Отступление невозможно. Нельзя уже что-либо изменить. Слишком далеко зашло скольжение по наклонной плоскости. И даже если управляемые вопиют об опасности и поднимаются против своих правителей, стремясь приостановить гибельное сползание вниз, — слишком поздно!

Глава II. По наклонной плоскости

Чтобы увидеть, что случилось с русской Революцией, понять подлинную роль большевизма и определить причины, по которым — не впервые в истории человечества — прекрасная и победоносная народная революция завершилась плачевным провалом, необходимо, прежде всего, осознать *две истины*, которые, к несчастью, еще недостаточно поняты, и незнание которых не дает возможности составить цельную картину произошедшего.

Первая истина:

Существует неразрешимое формальное противоречие, противоположность между подлинной Революцией, которая стремится *и может развиваться неограниченно, вплоть до полной и окончательной победы*, с одной стороны, и авторитарными, государственническими теорией и практикой, с другой.

Существует неразрешимое формальное противоречие, борьба по существу между *государственной социалистической властью* (если последняя торжествует) и подлинным *социалистическим революционным процессом*.

Сутью подлинной Социальной Революции является наличие мощного и свободного созидательного движения трудящихся масс, освободившихся от эксплуатации. Это развитие широчайшего процесса строительства нового общества на основе освобожденного труда, естественной координации и полного равенства.

По существу, подлинная Социальная Революция является началом настоящей эволюции человечества, то есть свободного созидания трудящихся масс, основанного на широкой и свободной инициативе миллионов людей во всех сферах деятельности.

Революционный народ инстинктивно чувствует эту сущность Революции. Анархисты более или менее четко поняли и сформулировали ее.

Из этого определения Социальной Революции (которое невозможно опровергнуть) «автоматически» вытекает не идея *авторитарного руководства* (диктаторского или какого-либо иного) — идея, полностью принадлежащая старому буржуазному, капиталистическому, эксплуататорскому миру, — но идея *сотрудничества* в развитии. Из этого следует также необходимость абсолютно свободного распространения всех революционных идей и, наконец, потребность в истинах без прикрас, их свободного и всеобщего поиска, исследования и осуществления как необходимое условие плодотворной деятельности масс и окончательного торжества Революции.

Но в рамках государственного социализма и власти *эти принципы Социальной Революции формально не признаются.*

Характерные особенности социалистической идеологии и практики (власть, государство, диктатура) принадлежат не будущему, а целиком и полностью буржуазному прошлому. «Статичная» концепция революции, идея ограниченности, «завершения» революционного процесса, стремление сдержать, «заморозить» его и особенно — вместо того, чтобы предоставить трудящимся массам все возможности действовать самостоятельно — вновь сконцентрировать в руках государства и горстки новых хозяев все будущее развитие, основано на давних, застарелых традициях, эта избитая модель не имеет ничего общего с подлинной Революцией.

Стоит применить эту модель, как подлинные принципы Революции неизбежно оказываются позабыты. И тогда обязательно — в иной форме — возрождается эксплуатация трудящихся масс со всеми вытекающими последствиями.

Таким образом, нет никаких сомнений, что путь революционных масс к реальному освобождению, к созданию новых форм общественной жизни несовместим с самим принципом государственной власти.

Ясно, что принципы власти и Революции диаметрально противоположны и взаимно исключают друг друга: революционный принцип по сути своей обращен к будущему, а государственный коренится в прошлом (то есть является реакционным).

Авторитарная социалистическая революция и Революция Социальная являются процессами противоположными. Торжество одной неизбежно ведет к поражению другой. Либо подлинная Революция, ее мощный, свободный и творческий порыв сметет руины авторитарного принципа, либо верх одержит последний, и тогда корни прошлого «оплетут» подлинную Революцию и не дадут ей осуществиться.

Социалистическая власть и Социальная Революция противоречат друг другу. Примирить их и тем более объединить невозможно. Торжество одной всегда означает гибель другой, со всеми вытекающими последствиями.

Революция, которая вдохновляется идеями государственного социализма и доверяет ему свою судьбу, *хотя бы «временно» и на «переходный период»*, погибла: она вступает на ложный путь, на наклонную плоскость. И катится в бездну.

Вторая истина — скорее, логическая совокупность истин — дополняет первую и вносит в нее некоторые уточнения.

1. Всякая политическая власть неизбежно ставит в *привилегированное положение* тех, кто ее осуществляет. Таким образом, она изначально извращает принцип равенства и наносит удар в самое сердце Социальной Революции, тем самым в значительной степени трансформируя ее.

2. Всякая политическая власть неизбежно служит источником и других привилегий, даже если не связана с буржуазией. Встав над Революцией, обуздав ее, власть вынуждена создать *свой бюрократический аппарат принуждения*, необходимый для ее сохранения, для командования, одним словом — для «управления». Очень быстро она объединяет вокруг себя тех, кто стремится господствовать и эксплуатировать. Таким образом, она создает *новую касту привилегированных*, прежде всего, политически, а затем и экономически: руководителей, функционеров, военных, полицейских, членов правящей партии (нечто вроде нового дворянства) и т. п., тех, кто *от нее зависит*, то есть готовых поддерживать и оборонять ее, менее всего заботясь о «принципах» и «справедливости». Она повсюду сеет семена неравенства и вскоре заражает весь общественный организм, становящийся все более и более пассивным, поскольку чувствует невозможность противостоять заразе и в итоге оказывается не прочь возвратиться к буржуазным принципам в новых формах.

3. *Всякая власть* в той или иной степени стремится сосредоточить в своих руках бразды правления жизнью общества. Она *предрасполагает* массы к пассивности, ибо *само ее существование* удушает в людях дух инициативы.

«Коммунистическая» власть, которая, в силу принципа, *концентрирует все в своих руках*, является в этом плане настоящей ловушкой. Гордая своим «авторитетом», преисполненная чувством собственной «ответственности» (которую на самом деле сама на себя возложила), она боится всякого проявления независимости. Любая самостоятельная инициатива вызывает у нее подозрение, представляется угрозой; это принижает, стесняет ее. Ибо она никому не желает уступать бразды правления. Всякая инициатива представляется ей вторжением в ее сферу, покушением на ее прерогативы. Для нее это невыносимо. И власть отвергает, давит эту инициативу или следит за ней с целью нанести решающий удар — с беспощадной, чудовищной «логикой» и упорством.

Новым, мощным творческим силам народных масс не находится применения. Причем как в сфере деятельности, так и в области мышления. В последнем случае «коммунистическая» власть проявляет особенную, абсолютную нетерпимость, сравнимую лишь с кострами Инквизиции. Ибо она считает себя единственным носителем спасительной истины, не допуская и не терпя никакого противоречия, никакого инакомыслия.

4. Никакая политическая власть не способна *реально* выполнить колоссальные созидательные задачи Революции. «Коммунистическая» власть, взявшая на себя выполнение этих задач и утверждающая, что выполнила их, выглядит в этом плане особенно жалко.

Действительно, она претендует на то, что хочет и может «руководить» бесконечно разнообразной деятельностью миллионов людей. Чтобы добиться в этом успеха, ей необходимо в один миг охватить *всю неизмеримую, находящуюся в постоянном движении общественную жизнь*: суметь все узнать, все понять, все предпринять, за всем наблюдать, всюду проникать, все видеть, предвидеть, охватить, наладить, организовать, повести. Речь идет о неисчислимом множестве потребностей, интересов, действий, ситуаций, сочетаний, трансформаций, то есть всякого рода ежеминутно возникающих проблем, находящихся в постоянном движении.

Вскоре, не представляя, что бы возглавить, власть уже не может ничего охватить, ничего наладить, ничем «руководить». И в первую очередь она оказывается абсолютно бессильной в сфере эффективной реорганизации *экономической* жизни страны. Последняя переживает быстрый распад. И, окончательно дезорганизованная, беспорядочно бьется между осколками свергнутого режима и бессилием новопровозглашенной системы.

В подобных условиях некомпетентность власти ведет к настоящему краху экономики: остановке промышленного производства, разрушению сельского хозяйства, распаду связей между различными экономическими отраслями и нарушению экономического и социального баланса в обществе.

Из этого неизбежно следует использование политики принуждения, особенно по отношению к крестьянам, чтобы заставить их любой ценой снабжать провизией города.

Это средство малоэффективно, особенно поначалу, крестьяне прибегают к своего рода «пассивному сопротивлению», и в стране воцаряется разруха. Труд, производство, транспорт, обмен и пр. дезорганизуются и впадают в состояние хаоса.

5. Чтобы поддерживать экономическую жизнь страны на допустимом уровне, у власти остаются в итоге лишь *принуждение, насилие, террор*. Она прибегает к ним все более широко и методически. Страна продолжает биться в тисках ужасающей нищеты и голода.

6. Очевидная неспособность власти обеспечить стране нормальную экономическую жизнь, явная бесплодность Революции, физические и нравственные страдания миллионов людей, произвол и насилие, усиливающиеся изо дня в день: таковы основные факторы, которые столь тяжким грузом ложатся на плечи народа, что он начинает выступать против Революции; *возрождаются контрреволюционные настроения и движения*. Подобная ситуация побуждает многочисленные нейтральные и несознательные элементы — до того колебавшиеся и склонявшиеся скорее на сторону Революции — занять четкие контрреволюционные позиции и губит веру в Революцию многих ее сторонников.

7. Такое положение вещей не только извращает развитие Революции, но и *компрометирует дело ее защиты*.

Создаваемые самими массами общественные организации (профсоюзы, кооперативы, ассоциации, федерации и пр.), активные, живые, нормально координирующие свою деятельность, способные обеспечить экономическое развитие страны и одновременно организовать защиту Революции от сил реакции (тогда еще относительно безобидных), гибельная государственническая практика подменяет горсткой политических аферистов и авантюристов, не способных достойно «оправдать» и защитить Революцию, которую они сами жестоко искалечили и выхолостили. Теперь они вынуждены защищаться самостоятельно (вкуче со своими сторонниками) против все растущего числа врагов, возникновение и усиление которых являются, прежде всего, следствием полного банкротства государственной политики.

Таким образом, вместо естественной защиты Социальной Революции и ее поступательного развития мы (не впервые) с недоумением наблюдаем банкротство Власти, всеми, даже

самыми жестокими, средствами борющейся за свое существование.

Эта *защита лжи* организована, разумеется, сверху, с использованием старых чудовищных методов политики и вооруженного насилия, которые «себя уже показали»: абсолютное порабощение правительством всего населения, создание регулярной армии, подчиняющейся слепой дисциплине, формирование профессиональной полиции и слепо преданных власти особых отрядов, отмена свободы слова, печати, собраний и, особенно, действий, установление репрессивного, террористического режима и т. д. Вновь власть формирует систему нивелировки личностей, стремясь превратить их в полностью подчиненную себе силу. В такой ненормальной ситуации все эти методы сопровождаются неограниченным насилием и произволом. Нарастает упадок Революции.

8. Обанкротившаяся «революционная власть» неизбежно сталкивается не только с врагами «справа», но и с *противниками слева*, со всеми, кто разделяет подлинные революционные идеи, которые власть попрала, кто борется против нее во имя защиты этих идей, отстаивая интересы «подлинной Революции».

Отравленная ядом господства, властными прерогативами, убежденная, что является единственной подлинно революционной силой, призванной действовать от имени «пролетариата», и стремящаяся убедить в этом остальных, верящая в свою «ответственность» за Революцию, смешивая в силу рокового заблуждения ее судьбу со своей собственной и находя для всех своих действий объяснения и оправдания, Власть не может и не хочет признать свое фиаско и уйти с исторической сцены. Напротив, чем больше осознает она свои ошибки и нависшую над ней угрозу, тем ожесточеннее защищается. Она любой ценой желает остаться хозяином положения. И даже неизменно надеется, что ей удастся «выпутаться» и «все наладить».

Прекрасно понимая, что речь, так или иначе, идет о ее собственном существовании, Власть в итоге перестает различать своих противников и врагов Революции. Все более руководствуясь примитивным инстинктом самосохранения, неспособная пойти на попятный, она начинает разить направо и налево, ослепленная собственной наглостью. Она без различия поражает всех, кто не на ее стороне. Трепеща за собственную участь, Власть губит лучшие силы будущего.

Она удушает революционные движения, которые неизбежно возникают вновь. Она уничтожает массы революционеров и простых трудящихся, виновных лишь в том, что захотели вновь поднять знамя Социальной Революции.

Действуя таким образом, сильная лишь террором, она вынуждена скрывать свои цели, хитрить, лгать, клеветать, когда не считает целесообразным открыто отмежеваться от Революции и сохранить свой престиж, хотя бы в глазах заграницы.

9. Но, разрушая Революцию, невозможно одновременно опираться на нее. И тем более невозможно зависнуть в пустоте, при ненадежной поддержке штыков и стечения обстоятельств.

Значит, удушая Революцию, Власть вынуждена все более определенно прибегать к поддержке реакционных и буржуазных элементов, из расчета готовых послужить ей и заключить «союз». Чувствуя, как почва уходит из-под ног, все более отрываясь от народных масс, порвав последние связи с Революцией и выродившись в касту привилегированных разнокалиберных диктаторов, служак, льстецов, карьеристов и паразитов, бессильная сделать что-либо революционное и позитивное, отвергнувшая и подавившая возникшие в обществе новые силы, Власть в целях самосохранения вынуждена обращаться к *силам прежним*. Она все более часто и охотно прибегает к *их* содействию. С ними добивается она соглашений, альянсов и союза. Им уступает она позиции, не видя иного источника сохранить себя. Потеряв доверие масс, она ищет новых сторонников. Конечно, в один прекрасный день она рассчитывает их предать. А тем временем все глубже погрязает в антиреволюционной, антинародной деятельности.

Революция оказывает ей все более энергичное сопротивление. И с тем большим ожесточением, используя свои возможности и привлеченные на ее сторону силы, Власть борется против Революции.

Последняя вскоре терпит окончательное поражение в неравной борьбе. Она агонизирует и распадается. Это конец. Спуск по наклонной плоскости привел в бездну. Революции больше нет. Торжествует реакция — мерзко приукрашенная, наглая, грубая, зверская.

Те, кто еще не понял этих истин, их беспощадной логики, — тот не понял русскую Революцию. Вот почему все эти слепцы, «ленинисты», «троцкисты» и *tutti quanti*, не способны дать приемлемого объяснения поражению русской Революции и большевизма — хотя вынуждены признать его. (Не будем говорить о западных «коммунистах»: они и *не хотят* ничего видеть.) Ничего не поняв в русской Революции, ничему в ней не научившись, они готовы повторить те же роковые ошибки: политическая партия, завоевание власти, правительство («рабочее и крестьянское»), государство («социалистическое»), диктатура («пролетариата»)… Пошлые глупости, преступные противоречия, отвратительный нонсенс!

Горе грядущей Революции, если она захочет оживить эти зловонные трупы, если ей еще раз удастся вовлечь трудящиеся массы в эту некромантию! Она породит лишь новых гитлеров, которые расцветут на перегное ее развалин. И вновь «свет ее померкнет для мира».

Устанавливается «революционное» («социалистическое» или «коммунистическое») правительство. Естественно, оно стремится к полновластию. Оно должно командовать. (А иначе зачем оно нужно?)

Рано или поздно возникают первые разногласия между правительством и управляемыми. Возникают тем более неизбежно, что правительство, каким бы оно ни было, не в силах решить проблемы Великой Революции и, несмотря на это, хочет все охватить, чтобы лишь ему принадлежали инициатива, истина, ответственность.

Эти разногласия оборачиваются всегда к выгоде правительства, которое умеет всеми средствами настоять на своем. А следовательно, всякая инициатива неизбежно исходит от правительства, становящегося постепенно хозяином миллионов подданных.

Поэтому «хозяева» цепляются за власть, несмотря на свое бессилие, недостатки, злобу. Себя они считают единственными носителями Революции. «Ленин (или Сталин, или Гитлер) всегда прав». «Рабочие, подчиняйтесь начальству! Оно знает, что делает, и работает ради вас!» «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» («... чтобы мы лучше могли вами командовать». Но это окончание фразы «гениальные вожди» «рабочих партий» никогда не произносили.)

Так постепенно правители становятся абсолютными хозяевами страны. Они создают привилегированные прослойки, на которые опираются. Они организуют силы, способные их поддержать. Они ожесточенно защищаются против всякой оппозиции, всякого инакомыслия, всякой независимой инициативы. Они все монополизируют. Они господствуют над жизнью всей страны.

Не имея иных средств в своем распоряжении, они угнетают, подчиняют, порабащают, эксплуатируют...

Они подавляют всякое сопротивление. Они преследуют и уничтожают, во имя Революции, все, что не хочет склониться перед их волей.

Чтобы оправдать свои действия, они лгут, обманывают, клеветают.

Чтобы удушить истину, они прямо-таки свирепствуют: наполняют тюрьмы и места ссылки, казнят, пытаются, убивают.

Вот что именно произошло с русской Революцией.

Захватив власть, организовав свою бюрократию, армию и полицию, изыскав средства и построив новое, так называемое «рабочее», государство, большевистское правительство, абсолютный хозяин страны, окончательно взяло в свои руки судьбу Революции. Постепенно — по мере усиления демагогической пропаганды, принуждения и репрессий — правительство огосударствовало и монополизировало все, абсолютно все, *вплоть до слова и мысли*.

Именно государство — то есть *правительство* — захватило всю землю. Оно стало настоящим *собственником*. Крестьяне в массе своей вначале превратились в государственных арендаторов, а затем, как мы увидим, в настоящих *крепостных*.

Именно *правительство* присвоило заводы, фабрики, рудники — короче, все средства производства, связи, сообщения, обмена и т. д.

Именно *правительство* узурпировало право на инициативу, организацию, управление во всех сферах человеческой деятельности.

Наконец, именно *правительство* стало единственным хозяином всей печати и других средств распространения идей в стране. Все издания, вся печатная продукция в СССР — вплоть до визитных карточек — производится или самим государством, или под его строгим контролем.

Короче говоря, государство — то есть правительство — обрело монополию на истину, стало единственным владельцем всех материальных и духовных богатств, единственным инициатором, организатором, вдохновителем жизни в стране во всех ее проявлениях.

150 миллионов «жителей» постепенно превратились в простых исполнителей правительственных приказов, в настоящих рабов правительства и его бесчисленных агентов. «Рабочие, повинуйтесь начальству!»

Все экономические, социальные и прочие организации, начиная с Советов и кончая самыми маленькими ячейками, стали просто административными филиалами государственного предприятия, своего рода «Акционерным обществом государственной эксплуатации»: филиалами, полностью подчиненными «центральному административному совету» (правительству), находящимися под пристальным наблюдением его агентов (официальная и тайная полиция) и лишенными всякого подобия самостоятельности.

Подробная история этой эволюции, произошедшей за каких-то двенадцать лет — необычайной, не имеющей аналогов в мире, — требует отдельного исследования. Мы вернемся к ней, когда потребуются необходимые уточнения.

Читатель уже мог видеть, что это удушение Революции со всеми его разрушительными последствиями вызвало в обществе реакцию, поддержанную *левыми*, которые представляли себе Революцию иначе и выступили в ее защиту, стремясь к ее дальнейшему углублению.

Начало наиболее значительным из этих протестных движений положили *партия левых эсеров и анархисты*.

Партия левых эсеров выступала как соперник большевиков в той же государственнической и политической плоскости.

Их разногласия с коммунистической партией и разочарование в плачевных результатах большевистской политики вынудили левых эсеров в итоге выступить против большевиков. Отказавшись от сотрудничества в правительстве последних, продолжавшегося несколько месяцев, они повели против прежних союзников решительную борьбу, используя все методы: антибольшевистскую пропаганду, мятежи, террористические акты.

Левые эсеры участвовали в организации известного взрыва в Леонтьевском переулке (далее мы подробнее расскажем об этом). Они убили немецкого генерала Эйхгорна (на Украине) и немецкого посла Мирбаха (в Москве) в знак протеста против установления большевистским правительством связей с Германией. Позднее они стали вдохновителями ряда восстаний на местах, быстро подавленных.

В этой борьбе они жертвовали лучшими своими силами. Их лидеры: Мария Спиридовнова, Б. Камков, Карелин и другие, а также множество безвестных активистов, выказали в этих обстоятельствах большое мужество.

Но если бы левые эсеры пришли к власти, они действовали бы точно также, как партия большевиков. Политическая система привела бы их к тем же результатам.

По существу, левые эсеры выступали против монополии на власть, против гегемонии коммунистической партии. Они считали, что если власть будет поделена между двумя или несколькими равноправными партиями, дела пойдут лучше. В этом, разумеется, они глубоко ошибались.

Активные представители трудящихся масс, которые поняли причины банкротства большевизма и вступили с ним в борьбу, прекрасно это осознавали. Они оказали значительной поддержки левым эсерам. Сопротивление последних было быстро сломлено и не имело большого резонанса в стране.

Сопротивление анархистов местами оказалось гораздо более длительным и пользовалось большей поддержкой, несмотря на жестокие репрессии.

Подробное исследование борьбы анархистов за *реализацию другой идеи Революции* заслуживает внимания.

К тому же история этой борьбы, сознательно искаженная победившими большевиками и отдаленная от нас во времени, остается практически неизвестной не только широкой публике, но и тем, кто так или иначе изучал русскую Революцию (за исключением отдельных специалистов). Несмотря на свое огромное значение, она осталась за рамками их трудов и исследований.

Редкая идея в истории человечества претерпела столько извращений и клеветы, как это произошло с анархизмом.

Впрочем, *анархизмом*, как правило, и не занимались: нападали исключительно на «анархистов», которых все правительства считали «врагами общества № 1» и представляли исключительно в неблагоприятном свете. В лучшем случае их именовали «провидцами», «полубезумцами» и просто «безумцами». Но чаще — «бандитами», «преступниками», безрассудными террористами, бомбометателями.

Конечно, среди анархистов были — и есть — террористы, как и среди представителей других идейных течений, политических и общественных организаций. Но именно потому, что *анархическая идея* представляется слишком соблазнительной и опасной, и нельзя допускать, чтобы массы ей интересовались, правительства всех стран и всех политических направлений использовали отдельные террористические акты, совершенные анархистами, чтобы скомпрометировать *саму идею*, очернить не только террористов, но и всех ее сторонников, какие бы методы они не использовали.

Что касается анархических мыслителей и теоретиков, их чаще всего называют «утопистами», «безответственными мечтателями», «абстрактными философами» или «чудаками», «мистиками», теории которых опасным образом интерпретируются их «последователями», а прекрасные идеи не имеют ничего общего ни с реальностью, ни с людьми, какие они есть. (Буржуазия утверждает, что капиталистическая система стабильна и «реальна», социалисты не считают авторитарный социализм утопическим: и это несмотря на безысходный хаос и огромные общественные бедствия, которые в течение столетий нес с собой первый; несмотря на оглушительное банкротство, постигшее вторых за какие-то

полстолетья.)

Очень часто идею просто пытаются осмеять. Разве не внушают безграмотным массам, что анархизм «отрицает всякое общественное устройство и всякую организацию», что его принцип — «каждый может делать все, что захочет»? Разве не говорят, что анархизм — синоним беспорядка, и это на фоне подлинной и немыслимой неразберихи, царящей во всех неанархических системах, которые только существуют?

Такая «политика» по отношению к анархизму, вызванная, главным образом, его цельностью и невозможностью интегрировать его (что прекрасно удалось проделать с социализмом) и направленная на его удаление с политической сцены, принесла свои плоды: всеобщее недоверие, за которым скрываются страх и враждебность, или, по меньшей мере, уже укоренившиеся в людях безразличие, незнание и непонимание — вот с каким отношением сталкивается он всюду, где только возникает.

Эта ситуация надолго ввергла его в положение бессильной изоляции.

(За последнее время, под давлением событий и пропаганды, общественное мнение по отношению к анархизму и анархистам постепенно меняется. Люди начинают понимать, что их обманывали, и вникать в суть вещей. Быть может, не столь далеко то время, когда народные массы, восприняв идеи анархизма, перестанут верить своим «обманщикам» — я чуть не написал «палачам», — их интерес к идее-мученице стал бы естественной психологической реакцией.

Та правда, которую печать вынуждена была публиковать в связи с событиями в Испании[17], а также некоторые другие довольно известные факты, уже принесли положительные результаты и способствовали успеху либертарной идеи.)

Что касается русской Революции, то большевики в «промывке мозгов», клевете и репрессиях по отношению к анархистам далеко превзошли все нынешние и прежние правительства.

Роль, которую либертарная идея сыграла в Революции, и ее судьба рано или поздно станут широко известны, несмотря на все попытки умолчания. Ибо роль эта была немалая.

Постепенно люди узнают не только о событиях прошлого и настоящего, но и о перспективах на будущее: это позволит лучше понять и предвидеть некоторые важные события, *которые, без сомнения, ожидают нас в самое ближайшее время.*

Поэтому читатель не только имеет право, но я обязан знать изложенные в этой книге факты.

Как действовали анархисты в русской Революции? Каковы были их роль и судьба? Какой «вес» они имели и *что случилось с «другой идеей Революции»*, которую они представляли и отстаивали?

Наше исследование даст ответ на эти вопросы и внесет необходимые уточнения в то, каковы были на самом деле роль и политика большевистской системы. Мы хотели бы

надеясь, что эта книга поможет читателю разобраться в важных событиях настоящего и будущего.

Несмотря на огромное отставание и крайнюю слабость, вопреки всякого рода препятствиям и трудностям, невзирая на быстрые и беспощадные репрессии против анархистов, последние местами смогли, особенно после Октября, завоевать народные симпатии.

В некоторых регионах их идеи имели большой успех.

Их численность быстро возросла, несмотря на тяжелые людские потери.

Они обрели в ходе Революции значительное влияние, потому что только они одни являлись носителями *новой идеи Социальной Революции*, в то время как воззрения и деятельность большевиков все более дискредитировали себя в глазах народных масс, а также потому, что они пропагандировали и отстаивали эту идею, невзирая на бесчеловечные гонения, с высочайшими бескорыстием и преданностью до самого конца, когда подавляющая численность, оголтелая демагогия, коварство и неслыханная жестокость их противников нанесли ей последний удар.

В этом успехе и в том, что его не удалось развить, нет ничего удивительного.

С одной стороны, благодаря последовательному, мужественному и самоотверженному поведению, постоянному участию в непосредственной деятельности народных масс, а не в «ведомствах» и бюро; благодаря потрясающей жизненности их идей на фоне сомнительной активности большевиков, анархисты везде — где только имели возможность действовать — находили друзей и последователей. (Мы вправе предположить, чтобы если бы большевики, прекрасно сознававшие, какую опасность представляли для них эти успехи, не положили немедленный конец либертарной пропаганде и деятельности, Революция могла бы пойти по иному пути и иметь другие последствия.)

Но, с другой стороны, отставание анархистов от событий, очень ограниченное число их активистов, способных вести широкомасштабную устную и печатную пропаганду в огромной стране, неподготовленность к ней масс, общие неблагоприятные условия, преследования, значительные людские потери и пр. очень ограничили масштабы и длительность их работы и облегчили проведение репрессий правительством большевиков.

Рассмотрим факты.

В России только анархисты распространяли в массах идею подлинной народной, последовательной, освободительной Социальной Революции.

Революция 1905 г. (за исключением, опять же, анархистов) прошла под лозунгами «демократии» (буржуазной), «Долой царизм!», «Да здравствует демократическая Республика!» даже большевики в ту эпоху не осмеливались идти дальше. Анархизм тогда был единственной теорией, проникавшей в суть проблемы и предупреждавшей массы об опасности ее политического решения.

Как ни слабы были в то время либертарные силы, им удалось привлечь на свою сторону небольшую группу рабочих и интеллигентов, которые в разных местах выражали протест против обмана «демократии».

Конечно, они были вопиющими в пустыне. Но это ничуть их не обескуражило. И вскоре вокруг них сформировалось движение.

Революция 1917 г. поначалу развивалась, казалось, в нужном направлении. Свергнув самодержавие, народ «выступил на историческую арену».

Напрасно политические партии пытались утвердить свое господство, приспособляясь к революционному движению: в борьбе с врагом трудящиеся шли всегда впереди, оставляя партии с их «программами» позади одну за другой. Сами большевики — лучше других организованная, наиболее решительная и рвущаяся к власти партия — были вынуждены несколько раз менять свои лозунги, чтобы успевать за быстрым развитием событий. (Первоначально они провозглашали лозунги: «Да здравствует Учредительное Собрание!», «Да здравствует рабочий контроль над производством!» и пр.)

Также как и в 1905 г., в 1917-м анархисты оказались единственными, кто отстаивал идеи подлинной и последовательной Социальной Революции. Они неизменно и упорно шли по этому пути, невзирая на свою малочисленность, нехватку средств и организации.

Летом 1917 г. анархисты словом и делом поддержали крестьянское движение. Они были с рабочими, когда те, задолго до Октября, захватывали предприятия и пытались организовать производство на основе независимости и рабочего коллективизма.

В первых рядах сражались анархисты во время рабочих и матросских выступлений 3–5 июля в Петрограде. Там же они захватили типографии, чтобы наладить выпуск рабочих и революционных газет.

Когда летом 1917 г. большевики повели себя по отношению к буржуазии смелее других политических партий, анархисты одобрили их действия и сочли своим революционным долгом разоблачать клевету буржуазных и социалистических правительств, объявлявших Ленина и других большевиков «агентами немецкого правительства».

Также в первых рядах против коалиционного правительства Керенского сражались анархисты в Петрограде, Москве и других местах в *октябрьские* дни 1917 г. Разумеется, боролись они не ради какой бы то ни было власти, а во имя завоевания трудящимися массами право самим, на новых основах строить свою экономическую и общественную жизнь. По ряду причин, известных читателю, эта идея не была осуществлена на практике, но лишь анархисты до конца вели борьбу за правое дело. Если и можно в чем-либо их упрекнуть, то в том, что они не сумели вовремя договориться между собой и не стали в достаточной мере элементами свободной организации трудящихся масс. Но следует учитывать их малочисленность и, главное, отсутствие синдикалистского и либертарного просвещения масс. На исправление этого требовалось определенное время. Но большевики умышленно не дали ни анархистам, ни массам возможность наверстать упущенное.

В Петрограде важную роль в решающем октябрьском сражении сыграли прибывшие в столицу кронштадтские матросы. Среди них было немало анархистов.

В Москве самая трудная задача во время октябрьских боев выпала на долю знаменитых «двинцев» (Двинского полка). При Керенском этот полк был арестован в полном составе за отказ пойти в наступление на австро-германском фронте в июне 1917 г. «Двинцы» выбивали белых (кадетов, как тогда говорили) из Кремля, их посылали в самые опасные места Москвы. Когда кадеты предприняли контрнаступление, «двинцы» противостояли им в течение десяти дней. Все они считали себя анархистами, командовали ими два ветерана либертарного движения, Грачев и Федотов.

Вместе с Двинским полком сражались против отрядов правительства Керенского активисты Федерации анархистов Москвы. Вслед за либертарными группами шли в бой рабочие Пресни, Сокольников, Замоскворечья и других районов. Пресненские рабочие потеряли выдающегося борца, рабочего-анархиста Никитина, всегда сражавшегося в первых рядах и погибшего в центре города, когда бой уже подходил к концу.

Несколько десятков рабочих-анархистов отдали свои жизни в этой борьбе и были похоронены в братской могиле на Красной площади в Москве.

После Октябрьской революции анархисты, несмотря на то, что их взгляды и методы не соответствовали новой «коммунистической» Власти, продолжали служить делу Социальной Революции с той же верностью и постоянством. Вспомним, что только они одни отрицали сам принцип «Учредительного Собрания», и когда оно стало препятствием для Революции, как они предвидели и предрекали, сделали первый шаг к его роспуску.

Затем они с энергией и самоотверженностью, признанными даже их противниками, на всех фронтах противостояли наступлению реакции.

В обороне Петрограда от генерала Корнилова (август 1917 г.), в борьбе с генералом Калединым на юге (1918 г.) и других сражениях значительную роль сыграли анархисты.

Многочисленные отряды партизан, большие и маленькие, сформированные и руководимые анархистами (отряды Мокроусова, Черняка, Марии Никифоровой и другие, не говоря уже о партизанской армии Махно), без передышки с 1918 по 1920 годы сражались на юге против армий реакции. Отдельные анархисты присутствовали на всех фронтах как рядовые бойцы, затерявшиеся в массе революционных рабочих и крестьян.

Местами силы анархистов быстро росли. Но множество их лучших представителей пало в жестокой борьбе. Эта высшая жертва, в значительной степени способствовавшая конечной победе Революции, очень ослабила едва возникшее либертарное движение. К несчастью, его лучшие силы сражались на фронтах против контрреволюции, оставив работу в тылу. Анархистская пропаганда и деятельность от этого сильно пострадали.

Ряды анархистов значительно поредели в 1919 году, в борьбе с контрреволюционными армиями генерала Деникина, а затем барона Врангеля. Ибо именно анархисты во многом способствовали поражению белых. Их разгромила не Красная Армия на севере страны, а

массы восставших крестьян на юге, на Украине, основной силой которых была махновская партизанская армия, во многом проникнутая либертарными идеями и руководимая анархистом Нестором Махно. **Из революционных организаций только южнорусские либертарные группы сражались в рядах «махновцев» против Деникина и Врангеля. (Этой героической борьбе посвящен третий том нашей книги.)**

Интересная деталь: в то время как на юге анархисты, пользуясь временной свободой, героически, не щадя жизни, защищали Революцию, «советское» правительство, которое они на самом деле спасли, жестоко подавляло либертарное движение на подконтрольной ему территории. Как увидит читатель, лишь опасность миновала, репрессии обрушились и на анархистов юга России.

Анархисты принимали участие в борьбе против адмирала Колчака на востоке страны, в Сибири. Там погибло немало их активистов и сторонников.

Партизанские отряды, в которых сражались и анархисты, сделали больше, чем регулярная Красная Армия. И повсюду анархисты отстаивали основной принцип Социальной Революции: независимость и свободу действий трудящихся, идущих по пути своего подлинного освобождения.

Глава III. Анархистские организации

Участие анархистов в Революции не ограничивалось боевыми действиями. Они также старались распространять в трудящихся массах свои идеи о немедленном и последовательном строительстве безвластного общества как необходимом условии достижения желаемого результата. Для выполнения этой задачи они создавали свои организации, пропагандировали свои принципы, старались, по возможности, осуществлять их на практике, распространяли свои газеты и другую литературу.

Перечислим несколько наиболее активных анархистских организаций того времени.

1. «Союз анархо-синдикалистской пропаганды *«Голос Труда»*» (упоминавшийся выше). Его целью было распространение в трудящихся массах идей *анархо-синдикализма*. Союз действовал сначала в Петрограде (лето 1917 г. — весна 1918 г.), а затем некоторое время в Москве. Его газета *«Голос Труда»* издавалась вначале еженедельно, затем стала ежедневной. Им было создано анархо-синдикалистское издательство.

Придя к власти, большевики всеми средствами пытались помешать деятельности союза в целом и изданию газеты, в частности. В итоге в 1918–1919 гг. «коммунистическое» правительство окончательно ликвидировало организацию, а позднее и издательство. Все члены союза либо были арестованы, либо покинули страну.

2. «Федерация Анархистских Групп Москвы». Это была относительно крупная организация, которая в 1917–1918 гг. вела интенсивную пропаганду в Москве и на периферии. Она издавала ежедневную газету анархо-коммунистического направления[19] *«Анархия»* и так же основала издательство. Федерация была разгромлена «советским» правительством в апреле 1918 г. **Осколки этой организации просуществовали вплоть до 1921 г., когда последние ее «следы» и активисты были «ликвидированы»[20].**

3. «Конфедерация Анархистских Организаций Украины *«Набат»*». Эта крупная организация была создана в конце 1918 г. на Украине, где большевикам еще не удалось установить свою диктатуру. Конфедерация выделялась, главным образом, позитивной, конкретной деятельностью. Она провозглашала необходимость немедленной и непосредственной борьбы за безвластные формы социального строительства и пыталась некоторые из них осуществить на практике. Благодаря своей крайне энергичной агитации и пропаганде она сыграла важную роль в **распространении либертарных идей на Украине.**

Конфедерация издавала газеты и брошюры в различных городах. «Центральным органом» являлся «Набат»[21]. Она попыталась создать *объединенное анархистское*

движение (на основе теории своего рода «анархического синтеза»), объединив все действующие силы анархизма в России *без различия тенденций* в общую организацию. Ей удалось объединить почти все анархистские группы Украины и несколько групп в других регионах России. Она попыталась образовать «Всероссийскую Анархистскую Конфедерацию».

Действуя на охваченном волнениями юге страны, Конфедерация установила тесные контакты с движением революционных партизан, крестьян и рабочих и ядром этого движения — «Махновщиной» (см. гл. 1 т. 3). Она приняла активное участие в борьбе против любых форм реакции: против гетмана[22] Скоропадского, Петлюры, Деникина, Григорьева, Врангеля и других. В этой борьбе она потеряла почти всех своих лучших активистов. Впоследствии ее деятельность, естественно, вызвала недовольство «коммунистической» власти, и, учитывая положение на Украине, длительное сопротивление новому режиму оказалось невозможным.

В конце 1920 г. большевики окончательно разгромили Конфедерацию. К этому времени многие ее активисты были расстреляны новой властью без суда и следствия[23].

Кроме этих достаточно многочисленных и деятельных организаций существовали другие, не столь значимые. В 1917 и 1918 годах почти повсюду возникали анархистские группы, течения и движения, как правило, мелкие и эфемерные, но местами довольно активные: одни были независимыми, другие поддерживали отношения с какой-либо из крупных организаций.

Несмотря на отдельные принципиальные или тактические разногласия, все эти движения были согласны по существу и выполняли, каждое по мере сил и возможностей, своей долг перед Революцией и анархизмом, сея в трудящихся массах семена подлинно новой организации общества — антиавторитарной и федералистской.

Все эти движения постигла одна участь: они были уничтожены «советской» властью.

**** Глава IV. Неизвестная (анархистская) печать в русской Революции: ее голос, ее борьба, ее конец**

Выше мы приводили несколько статей из «Голоса Труда», газеты «Союза анархо-синдикалистской пропаганды», в которых отражена его позиция по отношению ко взятию власти большевиками, Брестскому миру и Учредительному Собранию.

Небесполезно будет процитировать и другие статьи. Они помогут читателю лучше понять разногласия между большевиками и анархистами, позицию последних по отношению к проблемам революции и, наконец, сам дух обеих концепций.

Анархистская печать русской Революции совершенно неизвестна за рубежом, некоторые статьи покажутся читателю настоящими откровениями.

Первый номер «Голоса Труда» вышел 11 августа 1917 г., через полгода после начала Революции, т. е. с огромной и непоправимой задержкой. Тем не менее товарищи энергично взялись за дело.

Задача была трудна. Партии большевиков удалось привлечь на свою сторону симпатии подавляющего большинства рабочих. По сравнению с их деятельностью и влиянием «Союз» и его печатный орган кажутся незначительными. Работа шла медленно и трудно. Для нее почти не осталось возможностей на заводах Петрограда. Все шли за большевистской партией, читали только ее издания. У большевиков было несколько многотиражных ежедневных газет. Никто не замечал малоизвестную организацию со «странными» идеями, так непохожими на то, что говорилось вокруг.

Но тем не менее, «Союз» быстро обрел определенное влияние. Вскоре к нему начали прислушиваться. На его митинги — увы! как мало их было — приходило много народу. Ему удалось создать группы не только в столице, но и в пригородах: Кронштадте, Обухово, Колпино и др. Газета, несмотря на все трудности, имела успех и распространялась все лучше, даже на периферии.

В этих условиях основная задача «Союза» состояла в усилении агитации, привлечении внимания трудящихся масс к своим идеям и позициям. Выполнению этой задачи служила, главным образом, газета, а также устная пропаганда, в то время очень ограниченная из-за нехватки средств.

В существовании — очень коротком — и деятельности «Союза» можно выделить три периода: 1) до Октябрьской революции; 2) во время этой второй Революции; 3) после нее.

В первый период «Союз» боролся одновременно против тогдашнего правительства (Керенского) и против опасности политической революции (к которой, казалось, шло дело), за новую организацию общества на синдикалистской и либертарной основе.

В каждом номере газеты точно и на конкретных примерах разъяснялось, как анархо-синдикалисты понимают конструктивные задачи грядущей Революции. Например: серия статей о роли заводских комитетов, статьи о задачах Советов, о том, как решить аграрную проблему, о новой организации производства, обмена и т. д.

Во многих статьях, особенно редакционных, газета конкретно объясняла трудящимся, какова, на взгляд анархо-синдикалистов, должна быть подлинная освободительная Революция.

Так, в редакционной статье 1-го номера «Голоса Труда» (от 11 августа 1917 г., «Тупик Революции») анархисты, сделав обзор событий Революции и констатируя ее кризис (в августе русская Революция переживала критический период), писали:

«И мы хотим сейчас же сказать, что как глубокие *причины* кризиса революции, так и, в особенности, *дальнейшие пути революционного действия* представляются нам совершенно иными, нежели всей плеяде социалистических писателей. На вопрос «Что же теперь?» мы отвечает различно.

Если бы у нас была возможность возвысить свой голос раньше, в самом начале революции, в первые дни и недели ее вольного разбега, ее жадных, неограниченных порывов и исканий, — мы и тогда, с самого начала, отстаивали бы совершенно иные пути и дела, чем предлагавшиеся социалистами. Мы выступали бы определенно против программ и тактик «наших социалистических» партий и фракций (большевиков, меньшевиков, левых с[оциалистов]-р[еволюционеров], правых с[оциалистов]-р[еволюционеров] и пр.) Мы поставили бы революции иные цели. Мы предложили бы трудовым классам иные задачи...

Пропаганде совершенно иных понятий о *социальной революции* и путях ее посвящена была наша многолетняя работа за границей. Увы, наш голос не долетал до России, отгороженной от мира полицейскими рогатками и застенками.

Ныне наши силы стягиваются здесь. И мы считаем своим прямым долгом, своей величайшей обязанностью тотчас же возобновить на родной, теперь свободной почве — нашу работу. Мы должны действовать. Мы должны развернуть перед трудящимися массами новые горизонты; должны помочь им в их исканиях...

Силою вещей мы вынуждены поднять наш голос в такой момент, когда революция на время зашла в тупик и массы приостановились в тяжелом раздумье. Нам предстоит сделать все возможное для того, чтобы раздумье это не пропало бесплодно. Мы должны использовать время так, чтобы новые волны революции застали массы более подготовленными, яснее сознающими свои цели, задачи и пути, чтобы эти волны не разбились, не расплескались снова в неосмысленном, бесплодном порыве...

Мы должны теперь же наметить те *выходы из тупика*, о которых, увы, нет ни одного слова во всей, без исключения, периодической печати».

В редакционной статье номера 2 («Историческая грань», 18 августа 1917 г.) уточнялось:

«Мы переживаем критические минуты. Чашки весов Революции то медленно колеблются, то судорожно дергаются. Им предстоит колебаться еще некоторое время. Затем они остановятся. От того, сумеют ли русские рабочие вовремя, пока чашки весов еще колеблются, бросить на *свою* чашку новый принцип, новый организационный лозунг, новую *идею*, — зависит в значительной (если не в главной) степени дальнейшая судьба и исход нынешней революции».

Редакционная статья номера 3 («К моменту», 25 августа 1917 г.) обращается к трудящимся в следующих выражениях:

«Вот почему, каковы бы ни были события и передраги момента, — мы говорим русскому пролетариату, русскому крестьянству, русским солдатам, русским революционерам: *прежде всего и паче всего — продолжайте революцию!* Продолжайте энергично организовываться и связываться между собою вашими организациями, союзами, общинами, комитетами, советами. Продолжайте неумолимо и неотступно — везде и всюду — дело вмешательства в хозяйственную жизнь страны, дело перехода в ваши руки, т. е. в руки ваших организаций, всех материалов и орудий труда, дело устранения частных предприятий. Продолжайте революцию! Берите в свои руки решение всех жгучих вопросов момента. Создавайте

необходимые для этого органы. Крестьяне — берите землю в ведение и распоряжение ваших комитетов. Рабочие — готовьтесь к переходу в ведение и распоряжение ваших организаций всюду на местах — рудников и копей, промыслов и отдельных хозяйств, фабрик и заводов, машин и мастерских».

Тем временем партия большевиков шла к своему государственному перевороту. Она прекрасно понимала революционные умонастроения масс и надеялась использовать их, обеспечив себе успешный захват власти.

Критикуя эту линию поведения, «Голос Труда» писал в том же № 3:

«Решение вполне логическое, ясное, простое, само собой напрашивающееся (в особенности, для социал-демократов большевиков). Надо только решительно, смело протянуть к нему руку. Надо решиться произнести последнее, логически необходимое слово: никому не следует овладевать государственной властью. *Не надо никакой власти.* Вместо «власти» хозяином жизни должны стать объединенные трудовые организации рабочих и крестьян — организации, которые — с помощью тех же солдатских организаций — должны не «власть захватывать», а непосредственно перенять в свои руки землю и другие материалы и орудия труда и установить — всюду на местах — новый порядок хозяйственной жизни.

«Обыватели» и «лентяи» спокойно подчинятся новому порядку вещей. Буржуазия без солдат и без капитала — *естественно останется и без власти.* Трудовые организации свяжутся между собою и сообща наладят производство, распределение, передвижение и обмен товаров на новых началах, создавая для этой цели, по мере надобности, необходимые центры, органы и связующие узлы. Тогда и только тогда победит революция».

Далее в статье говорится, что если борьба будет носить характер схватки за Власть между политическими партиями, и трудящиеся массы будут вовлечены в эту схватку и разобщены в ней, не может идти речи ни о победе Революции, ни даже о глубокой перестройке общественной жизни.

В статье выражается надежда, что массы под давлением требований жизни в конечном итоге придут именно к такому решению, к которому подводят объективные условия нашей эпохи.

Статья завершается следующими словами:

«Само собой разумеется, что мы отнюдь не хотим быть пророками. Мы лишь предвидим известную возможность, известную *тенденцию*, которая *может и не осуществиться.* Но в этом последнем случае нынешняя революция окажется еще не победной, не окончательной, не великой социальной революцией, и разрешение задачи, которую мы намечаем, ляжет на одну из грядущих революций».

Наконец, в редакционной статье номера 9 (6 октября, то есть почти накануне большевистской Революции) говорится:

«Или — в дальнейшем ходе революции, в результате происходящих ужасов, бедствий и передраг, после приостановок, новых всплесков, откатов назад, столкновений, ошибок, быть может, даже гражданской войны и временной диктатуры — массы в непрекращающихся творческих исканиях *сумеют*, наконец, довести свое сознание до той высоты, которая позволит им направить свои творческие силы в русло самостоятельной организации и созидательной деятельности на местах. И тогда — спасение и победа революции будут обеспечены.

Или — массы так и *не сумеют* построить в процессе этой революции свои собственные, объединенные между собою и прямо направленные на созидание новой жизни организации. В этом случае революция будет рано или поздно задушена; ибо довести революцию до победного конца могут только такие организации...»

Мы уже показали (см. гл. 1), как вел себя «Союз» в момент *октябрьского государственного переворота*, и не будем к этому возвращаться. Напомним только, что, несмотря на проявленную сдержанность, анархисты активно участвовали в этой Революции — там, где происходили массовые выступления (в Кронштадте, Москве). Их цели и обуславливали эту самую сдержанность.

После октябрьской Революции, в течение нескольких нелегких для Союза анархо-синдикалистской пропаганды месяцев он день за днем отслеживал деятельность большевистского правительства и ход событий. Газета, в течение трех месяцев выходившая ежедневно, разъясняла трудящимся все ошибки, преступления новой власти, *одновременно развивая анархические идеи и указывая средства их осуществления* в соответствии со своими взглядами. Это было не только его правом, но и, бесспорно, величайшим долгом.

В ряде статей: 27 октября («Что дальше?»), 3/16 ноября («Вторая Революция»), 4/17 ноября («Декларация и Жизнь») и др. — анархисты настаивали на необходимости немедленно отказаться от *политических методов диктатуры над массами*, предоставить трудящемуся народу свободу организации и действия.

«Мы говорим: с самого начала русской революции, т. е. с марта месяца, трудящиеся массы должны были организовываться *беспартийно, в свои трудовые, классовые организации*, объединяя их между собою и направляя на *единственную необходимую цель* — перенятие в свое ведение и распоряжение всех «материалов для труда» и всей хозяйственной жизни.

Мы говорим: именно в первые месяцы революции никто не мог и не стал бы мешать этой стройке, этому объединению, этому *делу*.

Люди знаний, люди опытные, люди образованные, интеллигентные — должны были с первых же дней революции заняться не политической борьбой, не политическими лозунгами, не «*организацией власти*», а *организацией революции*. Они должны были содействовать массам в развитии и усовершенствовании выдвинутых ими организаций и направить деятельность, энергию, внимание масс на организационную подготовку *действительной, экономической, трудовой революции*.

Никто в то время не мешал бы им.

Рабочие, крестьяне и солдаты были бы дружны в этой общей работе. Революция шла бы быстрыми шагами, *по прямой дороге*. Она пустила бы с первых же дней *глубокие корни* — тем более, что масса *сама*, в стихийном порыве, создала сеть своих организаций, и надо было лишь внести в это строительство известную планомерность, сознательность, идейность.

О, если бы с самого начала все честные революционеры, вся социалистическая печать и пр. отдали свои силы, свое внимание и энергию на эту сторону дела!.. Пути революции были бы иными...

Увы! Именно *этого* не было сделано».

(«Вторая Революция»)

В статье, озаглавленной «Новая Власть» (№ 14 от 4/17 ноября) говорилось:

«Где начинается *власть*, там кончается *революция*.

Где начинается *«организация власти»*, там кончается *организация революции*.

Выражение «революционная власть» имеет ровно столько же смысла, сколько выражение «горячий лед» или «холодный огонь». Т. е. не имеет никакого смысла.

Для одержания необходимой победы над буржуазией и для оказания решительного противодействия контрреволюционным силам в момент переворота нет *необходимости*: ни в политической партии, ни в политической организации масс, ни в дальнейшей организации власти. Наоборот: именно *организация революции*, т. е. объединение крестьян, рабочих, солдат, служащих и т. д. в неполитические, беспартийные, трудовые организации с прямой целью дружного принятия в свои руки производства, распределения, передвижения и всей вообще хозяйственной жизни — именно такое свободное объединение, а не создание новой власти, может проще и вернее всего подготовить, осуществить, в особенности же — укрепить и развить победу Революции.

Именно *свободное, не «властное» объединение* масс и *свободное революционное творчество* массовых организаций может с самого начала легко и вполне обеспечить эту победу.

При *политическом* ходе вещей, по рецепту *«организации власти»* мы увидим следующее: как только первая революционная победа восставшего народа (победа, добытая *благодаря все тому же партийно-политическому пути*, неимоверно дорогой ценой) станет фактом — наша «вторая революция» тотчас же остановится. Вместо необходимого (для упрочения и развития победы) дальнейшего самостоятельного *революционного творчества* масс всюду на местах — мы будем созерцать отвратительный «торг власти» в центре, ненужную «организацию власти» в центре и, наконец, нелепую «деятельность» этой новой власти в центре, этого нового «всероссийского» правительства.

[...]

Советы и другие организации на местах — должны будут, разумеется, *зависеть* от *центрального* Совета и от Правительства; должны будут *подчиняться центру*, «признать» его... «Вся власть Советам» превратится на деле во власть партийных лидеров в центре. Вместо свободного, естественного союза вольных деревень и городов, естественно и свободно налаживающих новую хозяйственную и общественную жизнь, мы увидим сильный государственный центр, «твердую революционную власть» — предписывающую, распоряжающуюся, давящую, карающую...

Или будет так, или — *власти не будет вовсе*. Середины нет и быть не может. Фразы о «местной автономии» при наличности действующей *государственной власти* всегда оставались, остаются и будут оставаться пустыми фразами на бумаге...»

Перечислив факты, доказывающие, что большевизм не может не кончиться перерождением и предательством, автор статьи заключает:

«Это значит, что от большевизма до капитализма — фронт все же остается по существу «единым», без перерывов... Увы, таковы роковые законы политической борьбы!

Вы скажете, что будете протестовать, бороться, восставать и *действовать самостоятельно* на местах?

Прекрасно. Но будьте готовы к тому, что ваши выступления сочтутся «самочинными», «анархическими»; что «социалисты у власти» обрушатся на вас под этим предлогом со всею силою «социалистического» авторитета; и что те слои населения, которые будут удовлетворены новым правительством (которым оно «кое-что» даст), а также все одержимые усталостью, злобой и ненавистью — *станут против вас*.

При свержении самодержавия с вами были почти все.

В борьбе с Керенским — вы были уже более одиноки.

Если же теперь вы дадите (и события позволят) новой власти окрепнуть; если вам предстоит, в будущем, начать борьбу с этой новой сильной властью — вы будете горстью.

Вас раздавят беспощадно, как «безумцев», как «анархистов», как «разбойников»... И на ваших могилах не поставят даже памятника...»

В статье, озаглавленной «От тупика к тупику» (№ 15 от 6/19 ноября) мы читаем:

«Есть *только одно средство* вывести Революцию на истинную и прямую дорогу: отказаться *вовсе* от организации центральной политической власти и от захвата ее *партией или партиями*. Приступить немедленно к помощи массам — всюду на местах — в деле энергического объединения их в *трудовые беспартийные организации*. Помочь приведению этих организаций в *стройное целое*, связываемое по городам и деревням, а затем — по районам и областям при помощи *Советов этих организаций* (Советов не«властных», а лишь создающих *необходимую связь*). Направить все эти организации на *единственную важную* цель: перенятие ими «в свои руки» производства, обмена, распределения, передвижения и

пр. Начать, таким образом, тотчас же налаживать хозяйственную жизнь. Тогда сама собою, легко и естественно начнет осуществляться «диктатура труда». И вся страна сумеет примириться с нею...»

В заключение статьи говорится:

«*Всякая власть* есть гибель Революции. Никакая *власть* не приведет Революцию к действительной цели. И не в лабиринтах политических комбинаций хранится тот ключ, которым будет открыта заветная дверь в храм победы!..».

Статья «Организация Революции» (№ 16, 7/20 ноября) уточняет:

«*Социалистические партии* говорят:

Для того, чтобы организовать *революцию*, необходимо, прежде всего, захватить и организовать *государственную власть*. При ее помощи перейдет в руки государства и все *хозяйство*.

Анархисты говорят:

Для того, чтобы организовать *революцию*, надо, прежде всего, захватить и организовать *хозяйство*. Этим путем и *власть*, и *государство* (признаваемые самими социалистами лишь как «неизбежное и необходимое зло») отпадут.

Захватить хозяйство — это значит овладеть земледелием и промышленностью. Это значит взять в свои руки производство, распределение, обмен, передвижение, сообщение. Это значит перенять в свое ведение и распоряжение все средства и орудия труда и обмена: землю; копи и рудники; фабрики, заводы, мастерские, промыслы и другие предприятия; склады, магазины, банки, помещения; железные дороги, пароходства; почту, телеграф, телефон...

Для захвата *власти* нужна *политическая партия*, фактически захватывающая эту власть в лице своих лидеров (вождей). Поэтому социалисты призывают массы сорганизоваться в партию для поддержки ее в момент захвата власти.

Для захвата *хозяйства* нет необходимости в политической партии. Нужны — всюду на местах — самостоятельные, трудовые, внепартийные массовые организации, приступающие к выполнению революционно- и организационно-хозяйственной задачи.

Поэтому анархисты не организуют партии, а работают или *непосредственно в массовых организациях*, или на стороне, в группах и союзах идейной пропаганды».

Затем в статье ставится основополагающий вопрос:

«Каким именно образом возможно организовать для революции без власти? Как приступить к делу? С чего начать?»

Газета обещает точно и подробно отвечать на все эти вопросы.

И действительно, она делает это в нескольких статьях, опубликованных незадолго до ее закрытия (весной 1918 г.).

(Перечислим такие статьи, как «Война» в № 17 от 8/21 ноября; «Голод» в том же номере; «Что делать?» в № 19 от 18 ноября/1 декабря; «Пролог» в № 20; «Непосредственные задачи» в № 21 и др.)

Конец 1917 года был очень трудным для народа. Война продолжала истощать страну. Внутреннее положение становилось все более трагическим.

Статья «Что делать?» констатирует:

«Положение рабочих масс ухудшается со дня на день.

Голод увеличивается. Квартирный вопрос с наступлением холодов обостряется. Громадное количество фабрик и заводов должны вот-вот закрыться. Хозяйство страны разрушено вконец».

И продолжает:

«Создается странное, трагикомическое положение.

Наверху — облеченное властью и имеющее силу для ее проявления «рабоче-крестьянское» правительство. Казалось бы, оно должно приступить к живому революционному *творчеству*, к живому *содействию* массам в *жизни*, на *деле*... Массы ждут от него ответа на этот вопрос: «Как?» Увы, оно издает декреты о том, что должно быть (и это что гораздо ниже потребностей и нужд масс); а на самый острый вопрос, «как?», отвечает: Учредительное Собрание. Оно отличается от прежних правительств только тем, что пишет о том, что необходимо (прежнее правительство этого не делало). Но оно так же, как и прежние правительства, бессильно, вяло и нерешительно в вопросе о *мерах* к достижению этого необходимого.

Внизу — все остается по-старому.

Массы голодают — зато спекуляция, нажива и возмутительная торговля «из-под полы» продолжаются.

Массы нуждаются — зато магазины (даже снаружи) переполнены и одеждой, и мясом, и овощами, и фруктами, и консервами... И нет сомнения в том, что в городе имеются в изрядном количестве все предметы первой и второй необходимости.

Массы бедны — зато банки богаты.

Массы лишены сколько-нибудь сносного жилья — зато дома принадлежат домохозяевам.

Массы выбрасываются на улицу благодаря закрытию фабрик — а «взять» брошенную фабрику «в свои руки» нет возможности, ибо нет сырья, топлива и оборотных средств.

Деревне нужны продукты города. Городу нужны продукты деревни. Но — положение таково, что обмен почти невозможно наладить».

Констатируя эти бедствия и критикуя большевистское правительство за мягкость, анархистская печать одновременно предлагает средства их преодоления, кажущиеся ей наиболее быстрыми, простыми и эффективными.

Так, в нескольких статьях («Что делать?», «Пролог» и др.) газета предлагает вниманию трудящихся целую конкретную и детальную программу срочных мер, как то: реквизиция *рабочими организациями* продуктов первой необходимости и создание предназначенных для распределения запасов (чтобы противостоять голоду); формирование домовых, уличных, районных комитетов (по территориальному принципу), призванных решить проблему нехватки жилья и заменить собой домовладельцев: иными словами, немедленная и последовательная социализация мест проживания; немедленная и последовательная реквизиция (силами все тех же рабочих организаций) предприятий, брошенных прежними владельцами; срочная организация общественных работ (для ремонта городского хозяйства, железнодорожных путей и пр.), конфискация части банковских фондов с целью обеспечить развитие нового коллективного производства; возобновление регулярных сношений между городом и деревней: обмен продуктами между организациями городских и сельских производителей; социализация железных дорог и всех средств сообщения; максимально быстрая реквизиция и обобществление добывающих предприятий (силами рабочих организаций) с целью наладить снабжение сырьем заводов, железных дорог, городского хозяйства и т. д.

Большевистское правительство подобных мер даже не предусматривало, ибо они неминуемо вели к уменьшению его роли, отодвинули бы его на второй план, быстро продемонстрировали бы его ненужность и, в итоге, позволили бы и вовсе без него обойтись. Оно не могло этого допустить.

Не желая ничего передоверять массам, но одновременно не имея еще достаточно сил, чтобы предпринять решительные действия в политической сфере, правительство не вмешивалось пока в ход вещей, ограничиваясь робкими и неэффективными экономическими мерами. Оно стремилось решать наиболее насущные проблемы главным образом политико-полицейскими и военными средствами: беспорядочными, произвольными и внезапными реквизициями силами воинских частей, действуя через их командиров (что, в числе прочего, настроило деревню против города и способствовало ее разочарованию в Революции), репрессиями, насилием и т. п.

Решительно протестуя против неверного пути, по которому большевики, по их мнению, собирались вести Революцию, анархисты оказались единственными, кто предлагал действительно популярные, социалистические и одновременно конкретные меры: меры, которые, как они считали, должны способствовать перерастанию Революции в подлинно Социальную.

Естественно, большевики к ним не прислушивались. А полностью порабощенные новым правительством массы не могли ни услышать голос анархистов, ни высказаться сами.

Здесь мне хотелось бы целиком привести статью из «Голоса Труда» («Кривой путь», № 18 от 13 февраля 1918 г.), посвященную указу правительства большевиков относительно свободы печати. В статье четко изложены обе противоположные позиции по отношению к конкретной проблеме.

«Если пожелать перечислять накапливающиеся ежедневно у нас факты и явления, неопровержимо доказывающие, что нельзя творить социальную революцию «сверху», то уже можно было бы заполнить десятки газетных столбцов... Скучное занятие, однако! Предоставим эту работу кропотливым будущим историкам нашей революции. Они, несомненно, найдут в ее архивах богатейшие материалы, красноречиво говорящие о том, как *не надо* «делать социальную революцию»... Нам же, право, надоело повторять, что ни истинная свобода вообще, ни подлинное и полное освобождение труда, ни новая культура, ни новая общественность — никакие *ценности социализма* не могут быть осуществлены путем централизованного «государственного аппарата», приводимого в действие рычагом центральной политической власти, захваченной в руки политической партии. Не пора ли уже перестать говорить об этом — в той надежде, что завтра же *сама жизнь* с беспощадной ясностью докажет эту простую истину всем слепым?..

[...]

Избегая, скуки ради, останавливаться на многочисленных явлениях, которые уже подтверждают наше мнение, мы чувствуем, однако, необходимость отметить один, весьма яркий факт этого рода — факт «последней минуты».

Пред нами лежат только что опубликованные *«Временные правила о порядке издания всех периодических и непериодических печатных произведений в Петрограде»*.

Мы всегда считали беспощадную борьбу с буржуазной печатью непосредственной задачей трудящихся в эпоху социальной революции.

Представьте же себе, читатель, на минуту, что социальная революция идет с самого начала по-нашему, анархическому пути: создаются и объединяются в *классовую* организацию рабочие и крестьянские организации; они перенимают в свои руки хозяйственную жизнь страны и дают отпор враждебным силам буржуазии. Всем станет ясно, что *формы* борьбы с печатью как оружием буржуазии были бы совершенно иными, чем та форма, в которую выливается «отпор» нынешнего «социалистического» правительства.

Разве, в самом деле, эти «Временные правила» борются с буржуазной печатью?

Вчитайтесь в пункты 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 и т. д. этих «правил». Вчитайтесь в отдел «Закрытие и конфискация» — и вы воочию убедитесь, что эти правила — с первого пункта до последнего — являются актом, уничтожающим всякую тень *свободы печатного слова вообще*, типичным актом, устанавливающим *самую строгую цензуру неугодных правительству изданий*, откуда бы они ни исходили; актом, узаконивающим целый ряд абсолютно ненужных стеснений,

формальностей, придирок...

Мы убеждены, что истинная рабоче-крестьянская революция боролась бы с буржуазной печатью совершенно иными методами и в иных формах.

Мы уверены, что истинным деятелям и борцам социальной революции не пришлось бы и не придется прибегать к казенному, типично властному *закону о цензуре*, имеющему в виду охранить существующее правительство от критики и борьбы *не только справа, но и слева* и вводящему целый ряд совершенно диких — с точки зрения свободы слова — и совершенно ненужных стеснений и формальностей.

Что ж! Всякий путь — говорили мы не раз — имеет свои роковые неизбежности. Слава богам, что данная неизбежность касается пока одного только Петрограда. Будем надеяться, что революционные массы остальной России опередят нашу спотыкающуюся столицу и сделают ненужным дальнейшее распространение «Временных правил» на провинцию. И будем надеяться, что этим *временным* «Правилам» действительно не суждено стать *постоянными*».

Анархисты предполагали, что рабочие организации, взяв в свои руки типографии и все средства печати, откажутся — что было бы просто и естественно — печатать и издавать контрреволюционные писания. Здесь, как и в других сферах деятельности, не понадобилось бы никакой *политики* (правительства, полиции и пр.) и можно было бы обойтись без цензуры.

Излишне говорить, что вскоре эти «Правила» распространились на всю страну и позднее легли в основу законов о печати, решительно запрещающих *любые неправительственные* (небольшевистские) *издания*.

В статье «Ближайшие задачи», слишком длинной, чтобы цитировать ее здесь, газета дает детальные советы по решению основных стоявших перед страной проблем. «Организация снабжения продовольствием», «Как разрешить жилищный вопрос», «Фабрики и заводы», «Банки», «Город и деревня», «Сырье и топливо», «Транспорт», «Общественные работы» — вот названия основных разделов статьи.

Естественно, немало материалов было посвящено крестьянскому вопросу («Дело крестьян» в № 22 и др.), многие редакционные статьи касались проблем рабочих («Дело рабочих» в № 11, «Рабочий съезд» и т. д.).

В заключение позволю себе привести любопытный отрывок из статьи, озаглавленной «Ленин и анархизм» (№ 5 от 19 декабря/1 января 1918 г.[24]):

«Благоразумные, аккуратные и осторожные «социалисты» на каждом шагу упрекают гражданина Ленина в приверженности к анархизму.

Возражения гражданина Ленина сводятся всякий раз к одному и тому же: «Подождите. Я еще *не совсем анархист*».

Анархисты нападают на гражданина Ленина за его пристрастие к догме марксизма.

Возражения гражданина Ленина сводятся всякий раз к одному и тому же: «Подождите. Я уже *не совсем марксист*».

Мы чувствуем, наконец, желание сказать всем, смущающимся в сердце своем: не тревожьтесь и не ждите. Гражданин Ленин — *совсем не анархист*».

И после краткого анализа позиции Ленина в отношении Революции статья заключает:

«И гражданин Ленин прав, говоря: мы отбрасываем парламентаризм, Учредительное Собрание и пр., потому что Революция породила Советы.

Да, Революция породила... не Советы только, а вообще — правильное, здоровое стремление к классовой, внепартийной, внегосударственной, неполитической организации. В этом стремлении — спасение революции. И гражданин Ленин был бы прав, если бы признал давным-давно, на заре своей юности, что истинная революция пойдет именно этим путем... Увы, он был в то время «чистым марксистом»...

А теперь?.. О, конечно, все более и более сознательные анархические тенденции масс смущают его. С прежнего пути — массы уже свели гражданина Ленина. Он уступает, он сдается, он оставляет «государство», «власть», «диктатуру» лишь на час, на минутку, на «переходный момент»... А потом... потом — анархизм, почти анархизм... «советский» анархизм, «ленинский» анархизм...

И благоразумные, аккуратные и осторожные «марксисты» в ужасе кричат: «Вы видите? Вы слышите? Вы понимаете?.. Ведь это же ужас! Разве это — марксизм? Разве это — социализм?..».

Но, Бог мой! Разве вы не предвидите, граждане социалисты, что скажет гражданин Ленин, когда нынешняя власть укрепитя и, возможно, станет не прислушиваться более к голосу масс?

Он вернется тогда на свой привычный, проторенный путь. Он создаст самое подлинное «марксистское государство». И он, в торжественный час окончательной победы, скажет: «Вы видите, господа? Я опять *совсем марксист*».

Остается только один, главный вопрос: не станут ли массы ранее этого блаженного часа «совсем анархистами» и не помешают ли они гражданину Ленину вернуться к «совсем марксизму»?»

К сожалению, я не могу привести здесь еще ряд статей из того же «Голоса Труда», «Анархии» (Москва), «Набата» (Украина). У меня в настоящее время нет возможности обратиться к нужным номерам. Но могу заверить, что, за исключением некоторых нюансов и деталей, содержание всех серьезных либертарных газет было схожим. Впрочем, процитированного достаточно, чтобы у читателя составилось ясное представление о принципах, позиции и деятельности анархистов во время Революции.

Могу добавить, что Анархистской Конфедерации Украины («Набат»), уничтоженной впоследствии большевистскими властями, удалось в ноябре 1918-го в Курске и в апреле 1919 года в Елисаветграде созвать два съезда, которые проделали важную работу. Они выдвинули либертарный план действий для всей Украины. Резолюции съездов содержали проработанные решения различных насущных проблем текущего момента.

Период между октябрём 1917-го и концом 1918 года был решающим: *именно эти несколько месяцев определили судьбу Революции*. Какое-то время она колебалась между двумя идеями, двумя путями. Затем произошло непоправимое: большевистскому правительству окончательно удалось установить свое *военное, полицейское, бюрократическое и капиталистическое* государство (новую модель).

Либертарная идея, все более становящаяся наперекор избранному пути, была удушена.

А широкие трудящиеся массы не имели ни достаточно сил, ни сознательности, чтобы сказать свое решающее слово.

Глава IV. Неизвестная (анархистская) печать в русской Революции: ее голос, ее борьба, ее конец

Выше мы приводили несколько статей из «Голоса Труда», газеты «Союза анархо-синдикалистской пропаганды», в которых отражена его позиция по отношению ко взятию власти большевиками, Брестскому миру и Учредительному Собранию.

Небесполезно будет процитировать и другие статьи. Они помогут читателю лучше понять разногласия между большевиками и анархистами, позицию последних по отношению к проблемам революции и, наконец, сам дух обеих концепций.

Анархистская печать русской Революции совершенно неизвестна за рубежом, некоторые статьи покажутся читателю настоящими откровениями.

Первый номер «Голоса Труда» вышел 11 августа 1917 г., через полгода после начала Революции, т. е. с огромной и непоправимой задержкой. Тем не менее товарищи энергично взялись за дело.

Задача была трудна. Партии большевиков удалось привлечь на свою сторону симпатии подавляющего большинства рабочих. По сравнению с их деятельностью и влиянием «Союз» и его печатный орган кажутся незначительными. Работа шла медленно и трудно. Для нее почти не осталось возможностей на заводах Петрограда. Все шли за большевистской партией, читали только ее издания. У большевиков было несколько многотиражных ежедневных газет. Никто не замечал малоизвестную организацию со «странными» идеями, так непохожими на то, что говорилось вокруг.

Но тем не менее, «Союз» быстро обрел определенное влияние. Вскоре к нему начали прислушиваться. На его митинги — увы! как мало их было — приходило много народу. Ему удалось создать группы не только в столице, но и в пригородах: Кронштадте, Обухово, Колпино и др. Газета, несмотря на все трудности, имела успех и распространялась все лучше, даже на периферии.

В этих условиях основная задача «Союза» состояла в усилении агитации, привлечении внимания трудящихся масс к своим идеям и позициям. Выполнению этой задачи служила, главным образом, газета, а также устная пропаганда, в то время очень ограниченная из-за нехватки средств.

В существовании — очень коротком — и деятельности «Союза» можно выделить три периода: 1) до Октябрьской революции; 2) во время этой второй Революции; 3) после нее.

В первый период «Союз» боролся одновременно против тогдашнего правительства (Керенского) и против опасности политической революции (к которой, казалось, шло дело), за новую организацию общества на синдикалистской и либертарной основе.

В каждом номере газеты точно и на конкретных примерах разъяснялось, как анархо-синдикалисты понимают конструктивные задачи грядущей Революции. Например: серия статей о роли заводских комитетов, статьи о задачах Советов, о том, как решить аграрную проблему, о новой организации производства, обмена и т. д.

Во многих статьях, особенно редакционных, газета конкретно объясняла трудящимся, какова, на взгляд анархо-синдикалистов, должна быть подлинная освободительная Революция.

Так, в редакционной статье 1-го номера «Голоса Труда» (от 11 августа 1917 г., «Тупик Революции») анархисты, сделав обзор событий Революции и констатировав ее кризис (в августе русская Революция переживала критический период), писали:

«И мы хотим сейчас же сказать, что как глубокие *причины* кризиса революции, так и, в особенности, *дальнейшие пути революционного действия* представляются нам совершенно иными, нежели всей плеяде социалистических писателей. На вопрос «Что же теперь?» мы отвечает различно.

Если бы у нас была возможность возвысить свой голос раньше, в самом начале революции, в первые дни и недели ее вольного разбега, ее жадных, неограниченных порывов и исканий, — мы и тогда, с самого начала, отстаивали бы совершенно иные пути и дела, чем предлагавшиеся социалистами. Мы выступали бы определенно против программ и тактик «наших социалистических» партий и фракций (большевиков, меньшевиков, левых с[оциалистов]-р[еволюционеров], правых с[оциалистов]-р[еволюционеров] и пр.) Мы поставили бы революции иные цели. Мы предложили бы трудовым классам иные задачи...

Пропаганде совершенно иных понятий о *социальной революции* и путях ее посвящена была наша многолетняя работа за границей. Увы, наш голос не долетал до России, отгороженной от мира полицейскими рогатками и застенками.

Ныне наши силы стягиваются здесь. И мы считаем своим прямым долгом, своей величайшей обязанностью тотчас же возобновить на родной, теперь свободной почве — нашу работу. Мы должны действовать. Мы должны развернуть перед трудящимися массами новые горизонты; должны помочь им в их исканиях...

Силою вещей мы вынуждены поднять наш голос в такой момент, когда революция на время зашла в тупик и массы приостановились в тяжелом раздумье. Нам предстоит сделать все возможное для того, чтобы раздумье это не пропало бесплодно. Мы должны использовать время так, чтобы новые волны революции застали массы более подготовленными, яснее сознающими свои цели, задачи и пути, чтобы эти волны не разбились, не расплескались снова в неосмысленном, бесплодном порыве...

Мы должны теперь же наметить те *выходы из тупика*, о которых, увы, нет ни одного слова во всей, без исключения, периодической печати».

В редакционной статье номера 2 («Историческая грань», 18 августа 1917 г.) уточнялось:

«Мы переживаем критические минуты. Чашки весов Революции то медленно колеблются, то судорожно дергаются. Им предстоит колебаться еще некоторое время. Затем они остановятся. От того, сумеют ли русские рабочие вовремя, пока чашки весов еще колеблются, бросить на *свою* чашку новый принцип, новый организационный лозунг, новую *идею*, — зависит в значительной (если не в главной) степени дальнейшая судьба и исход нынешней революции».

Редакционная статья номера 3 («К моменту», 25 августа 1917 г.) обращается к трудящимся в следующих выражениях:

«Вот почему, каковы бы ни были события и передрыги момента, — мы говорим русскому пролетариату, русскому крестьянству, русским солдатам, русским революционерам: *прежде всего и паче всего — продолжайте революцию!* Продолжайте энергично организовываться и связываться между собою вашими организациями, союзами, общинами, комитетами, советами. Продолжайте неумолимо и неотступно — везде и всюду — дело вмешательства в хозяйственную жизнь страны, дело перехода в ваши руки, т. е. в руки ваших организаций, всех материалов и орудий труда, дело устранения частных предприятий. Продолжайте революцию! Берите в свои руки решение всех жгучих вопросов момента. Создавайте необходимые для этого органы. Крестьяне — берите землю в ведение и распоряжение ваших комитетов. Рабочие — готовьтесь к переходу в ведение и распоряжение ваших организаций всюду на местах — рудников и копей, промыслов и отдельных хозяйств, фабрик и заводов, машин и мастерских».

Тем временем партия большевиков шла к своему государственному перевороту. Она прекрасно понимала революционные умонастроения масс и надеялась использовать их, обеспечив себе успешный захват власти.

Критикуя эту линию поведения, «Голос Труда» писал в том же № 3:

«Решение вполне логическое, ясное, простое, само собой напрашивающееся (в особенности, для социал-демократов большевиков). Надо только решительно, смело протянуть к нему руку. Надо решиться произнести последнее, логически необходимое слово: никому не следует овладевать государственной властью. *Не надо никакой власти*. Вместо «власти» хозяином жизни должны стать объединенные трудовые организации рабочих и крестьян — организации, которые — с помощью тех же солдатских организаций — должны не «власть

захватывать», а непосредственно перенять в свои руки землю и другие материалы и орудия труда и установить — всюду на местах — новый порядок хозяйственной жизни.

«Обыватели» и «лентяи» спокойно подчинятся новому порядку вещей. Буржуазия без солдат и без капитала — *естественно останется и без власти*. Трудовые организации свяжутся между собою и сообща наладят производство, распределение, передвижение и обмен товаров на новых началах, создавая для этой цели, по мере надобности, необходимые центры, органы и связующие узлы. Тогда и только тогда победит революция».

Далее в статье говорится, что если борьба будет носить характер схватки за Власть между политическими партиями, и трудящиеся массы будут вовлечены в эту схватку и разобщены в ней, не может идти речи ни о победе Революции, ни даже о глубокой перестройке общественной жизни.

В статье выражается надежда, что массы под давлением требований жизни в конечном итоге придут именно к такому решению, к которому подводят объективные условия нашей эпохи.

Статья завершается следующими словами:

«Само собой разумеется, что мы отнюдь не хотим быть пророками. Мы лишь предвидим известную возможность, известную *тенденцию*, которая *может и не осуществиться*. Но в этом последнем случае нынешняя революция окажется еще не победной, не окончательной, не великой социальной революцией, и разрешение задачи, которую мы намечаем, ляжет на одну из грядущих революций».

Наконец, в редакционной статье номера 9 (6 октября, то есть почти накануне большевистской Революции) говорится:

«Или — в дальнейшем ходе революции, в результате происходящих ужасов, бедствий и передраг, после приостановок, новых вспышек, откатов назад, столкновений, ошибок, быть может, даже гражданской войны и временной диктатуры — массы в непрекращающихся творческих исканиях *сумеют*, наконец, довести свое сознание до той высоты, которая позволит им направить свои творческие силы в русло самостоятельной организации и созидательной деятельности на местах. И тогда — спасение и победа революции будут обеспечены.

Или — массы так и *не сумеют* построить в процессе этой революции свои собственные, объединенные между собою и прямо направленные на созидание новой жизни организации. В этом случае революция будет рано или поздно задушена; ибо довести революцию до победного конца могут только такие организации...»

Мы уже показали (см. гл. 1), как вел себя «Союз» в момент *октябрьского государственного переворота*, и не будем к этому возвращаться. Напомним только, что, несмотря на проявленную сдержанность, анархисты активно участвовали в этой Революции — там, где происходили массовые выступления (в Кронштадте, Москве). Их цели и обуславливали эту самую сдержанность.

После октябрьской Революции, в течение нескольких нелегких для Союза анархо-синдикалистской пропаганды месяцев он день за днем отслеживал деятельность большевистского правительства и ход событий. Газета, в течение трех месяцев выходившая ежедневно, разъясняла трудящимся все ошибки, преступления новой власти, одновременно развивая анархические идеи и указывая средства их осуществления в соответствии со своими взглядами. Это было не только его правом, но и, бесспорно, величайшим долгом.

В ряде статей: 27 октября («Что дальше?»), 3/16 ноября («Вторая Революция»), 4/17 ноября («Декларация и Жизнь») и др. — анархисты настаивали на необходимости немедленно отказаться от *политических методов диктатуры над массами*, предоставить трудящемуся народу свободу организации и действия.

«Мы говорим: с самого начала русской революции, т. е. с марта месяца, трудящиеся массы должны были организовываться *беспартийно, в свои трудовые, классовые организации*, объединяя их между собою и направляя на *единственную необходимую цель* — перенятие в свое ведение и распоряжение всех «материалов для труда» и всей хозяйственной жизни.

Мы говорим: именно в первые месяцы революции никто не мог и не стал бы мешать этой стройке, этому объединению, этому делу.

Люди знаний, люди опытные, люди образованные, интеллигентные — должны были с первых же дней революции заняться не политической борьбой, не политическими лозунгами, не *«организацией власти»*, а *организацией революции*. Они должны были содействовать массам в развитии и усовершенствовании выдвинутых ими организаций и направить деятельность, энергию, внимание масс на организационную подготовку действительной, *экономической, трудовой революции*.

Никто в то время не мешал бы им.

Рабочие, крестьяне и солдаты были бы дружны в этой общей работе. Революция шла бы быстрыми шагами, *по прямой дороге*. Она пустила бы с первых же дней *глубокие корни* — тем более, что масса *сама*, в стихийном порыве, создала сеть своих организаций, и надо было лишь внести в это строительство известную планомерность, сознательность, идейность.

О, если бы с самого начала все честные революционеры, вся социалистическая печать и пр. отдали свои силы, свое внимание и энергию на эту сторону дела!.. Пути революции были бы иными...

Увы! Именно *этого* не было сделано».

(«Вторая Революция»)

В статье, озаглавленной «Новая Власть» (№ 14 от 4/17 ноября) говорилось:

«Где начинается *власть*, там кончается *революция*.

Где начинается *«организация власти»*, там кончается *организация революции*.

Выражение «революционная власть» имеет ровно столько же смысла, сколько выражение «горячий лед» или «холодный огонь». Т. е. не имеет никакого смысла.

Для одержания необходимой победы над буржуазией и для оказания решительного противодействия контрреволюционным силам в момент переворота нет *необходимости*: ни в *политической партии*, ни в *политической организации масс*, ни в *дальнейшей организации власти*. Наоборот: именно *организация революции*, т. е. *объединение крестьян, рабочих, солдат, служащих и т. д. в неполитические, беспартийные, трудовые организации с прямой целью дружного принятия в свои руки производства, распределения, передвижения и всей вообще хозяйственной жизни* — именно такое свободное объединение, а не создание новой власти, может проще и вернее всего подготовить, осуществить, в особенности же — *укрепить и развить победу Революции*.

Именно *свободное, не «властное» объединение масс и свободное революционное творчество* массовых организаций может с самого начала легко и вполне обеспечить эту победу.

При *политическом* ходе вещей, по рецепту *«организации власти»* мы увидим следующее: как только первая революционная победа восставшего народа (победа, добытая *благодаря все тому же партийно-политическому пути*, неимоверно дорогой ценой) станет фактом — наша «вторая революция» тотчас же остановится. Вместо необходимого (для упрочения и развития победы) дальнейшего самостоятельного *революционного творчества* масс всюду на местах — мы будем созерцать отвратительный «торг власти» в центре, ненужную «организацию власти» в центре и, наконец, нелепую «деятельность» этой новой власти в центре, этого нового «всероссийского» правительства.

[...]

Советы и другие организации на местах — должны будут, разумеется, *зависеть от центрального Совета и от Правительства*; должны будут *подчиняться центру*, «признать» его... «Вся власть Советам» превратится на деле во власть партийных лидеров в центре. Вместо свободного, естественного союза вольных деревень и городов, естественно и свободно налаживающих новую хозяйственную и общественную жизнь, мы увидим сильный государственный центр, «твердую революционную власть» — предписывающую, распоряжающуюся, давящую, карающую...

Или будет так, или — *власти не будет вовсе*. Середины нет и быть не может. Фразы о «местной автономии» при наличии действующей *государственной власти* всегда оставались, остаются и будут оставаться пустыми фразами на бумаге...»

Перечислив факты, доказывающие, что большевизм не может не кончиться перерождением и предательством, автор статьи заключает:

«Это значит, что от большевизма до капитализма — фронт все же остается по существу «единым», без перерывов... Увы, таковы роковые законы политической борьбы!

Вы скажете, что будете протестовать, бороться, восставать и *действовать самостоятельно* на местах?

Прекрасно. Но будьте готовы к тому, что ваши выступления сочтутся «самочинными», «анархическими»; что «социалисты у власти» обрушатся на вас под этим предлогом со всею силою «социалистического» авторитета; и что те слои населения, которые будут удовлетворены новым правительством (которым оно «кое-что» даст), а также все одержимые усталостью, злобой и ненавистью — *станут против вас*.

При свержении самодержавия с вами были почти все.

В борьбе с Керенским — вы были уже более одиноки.

Если же теперь вы дадите (и события позволят) новой власти окрепнуть; если вам предстоит, в будущем, начать борьбу с этой новой сильной властью — вы будете горстью.

Вас раздавят беспощадно, как «безумцев», как «анархистов», как «разбойников»... И на ваших могилах не поставят даже памятника...»

В статье, озаглавленной «От тупика к тупику» (№ 15 от 6/19 ноября) мы читаем:

«Есть *только одно средство* вывести Революцию на истинную и прямую дорогу: отказаться вовсе от организации центральной политической власти и от захвата ее *партией или партиями*. Приступить немедленно к помощи массам — всюду на местах — в деле энергического объединения их в *трудовые беспартийные организации*. Помочь приведению этих организаций в *стройное целое*, связываемое по городам и деревням, а затем — по районам и областям при помощи *Советов этих организаций* (Советов не«властных», а лишь создающих *необходимую связь*). Направить все эти организации на *единственную важную* цель: перенятие ими «в свои руки» производства, обмена, распределения, передвижения и пр. Начать, таким образом, тотчас же налаживать хозяйственную жизнь. Тогда сама собою, легко и естественно начнет осуществляться «диктатура труда». И вся страна сумеет примириться с нею...»

В заключение статьи говорится:

«*Всякая власть* есть гибель Революции. Никакая *власть* не приведет Революцию к действительной цели. И не в лабиринтах политических комбинаций хранится тот ключ, которым будет открыта заветная дверь в храм победы!..».

Статья «Организация Революции» (№ 16, 7/20 ноября) уточняет:

«*Социалистические партии* говорят:

Для того, чтобы организовать *революцию*, необходимо, прежде всего, захватить и организовать *государственную власть*. При ее помощи перейдет в руки государства и все *хозяйство*.

Анархисты говорят:

Для того, чтобы организовать *революцию*, надо, прежде всего, захватить и организовать *хозяйство*. Этим путем и *власть*, и *государство* (признаваемые самими социалистами лишь как «неизбежное и необходимое зло») отпадут.

Захватить хозяйство — это значит овладеть земледелием и промышленностью. Это значит взять в свои руки производство, распределение, обмен, передвижение, сообщение. Это значит перенять в свое ведение и распоряжение все средства и орудия труда и обмена: землю; копи и рудники; фабрики, заводы, мастерские, промыслы и другие предприятия; склады, магазины, банки, помещения; железные дороги, пароходства; почту, телеграф, телефон...

Для захвата *власти* нужна *политическая партия*, фактически захватывающая эту власть в лице своих лидеров (вождей). Поэтому социалисты призывают массы сорганизоваться в партию для поддержки ее в момент захвата власти.

Для захвата *хозяйства* нет необходимости в политической партии. Нужны — всюду на местах — самостоятельные, трудовые, внепартийные массовые организации, приступающие к выполнению революционно- и организационно-хозяйственной задачи.

Поэтому анархисты не организуют партии, а работают или *непосредственно в массовых организациях*, или на стороне, в группах и союзах идейной пропаганды».

Затем в статье ставится основополагающий вопрос:

«Каким именно образом возможно организовать для революции без власти? Как приступить к делу? С чего начать?»

Газета обещает точно и подробно отвечать на все эти вопросы.

И действительно, она делает это в нескольких статьях, опубликованных незадолго до ее закрытия (весной 1918 г.).

(Перечислим такие статьи, как «Война» в № 17 от 8/21 ноября; «Голод» в том же номере; «Что делать?» в № 19 от 18 ноября/1 декабря; «Пролог» в № 20; «Непосредственные задачи» в № 21 и др.)

Конец 1917 года был очень трудным для народа. Война продолжала истощать страну. Внутреннее положение становилось все более трагическим.

Статья «Что делать?» констатирует:

«Положение рабочих масс ухудшается со дня на день.

Голод увеличивается. Квартирный вопрос с наступлением холодов обостряется. Громадное количество фабрик и заводов должны вот-вот закрыться. Хозяйство страны разрушено

вконец».

И продолжает:

«Создается странное, трагикомическое положение.

Наверху — облеченное властью и имеющее силу для ее проявления «рабоче-крестьянское» правительство. Казалось бы, оно должно приступить к живому революционному творчеству, к живому содействию массам в жизни, на деле... Массы ждут от него ответа на этот вопрос: «Как?» Увы, оно издает декреты о том, что должно быть (и это что гораздо ниже потребностей и нужд масс); а на самый острый вопрос, «как?», отвечает: Учредительное Собрание. Оно отличается от прежних правительств только тем, что пишет о том, что необходимо (прежнее правительство этого не делало). Но оно так же, как и прежние правительства, бессильно, вяло и нерешительно в вопросе о мерах к достижению этого необходимого.

Внизу — все остается по-старому.

Массы голодают — зато спекуляция, нажива и возмутительная торговля «из-под полы» продолжаются.

Массы нуждаются — зато магазины (даже снаружи) переполнены и одеждой, и мясом, и овощами, и фруктами, и консервами... И нет сомнения в том, что в городе имеются в изрядном количестве все предметы первой и второй необходимости.

Массы бедны — зато банки богаты.

Массы лишены сколько-нибудь сносного жилья — зато дома принадлежат домохозяевам.

Массы выбрасываются на улицу благодаря закрытию фабрик — а «взять» брошенную фабрику «в свои руки» нет возможности, ибо нет сырья, топлива и оборотных средств.

Деревне нужны продукты города. Городу нужны продукты деревни. Но — положение таково, что обмен почти невозможно наладить».

Констатируя эти бедствия и критикуя большевистское правительство за мягкость, анархистская печать одновременно предлагает средства их преодоления, кажушиеся ей наиболее быстрыми, простыми и эффективными.

Так, в нескольких статьях («Что делать?», «Пролог» и др.) газета предлагает вниманию трудящихся целую конкретную и детальную программу срочных мер, как то: реквизиция рабочими организациями продуктов первой необходимости и создание предназначенных для распределения запасов (чтобы противостоять голоду); формирование домовых, уличных, районных комитетов (по территориальному принципу), призванных решить проблему нехватки жилья и заменить собой домовладельцев: иными словами, немедленная и последовательная социализация мест проживания; немедленная и последовательная реквизиция (силами все тех же рабочих организаций) предприятий, брошенных прежними

владельцами; срочная организация общественных работ (для ремонта городского хозяйства, железнодорожных путей и пр.), конфискация части банковских фондов с целью обеспечить развитие нового коллективного производства; возобновление регулярных сношений между городом и деревней: обмен продуктами между организациями городских и сельских производителей; социализация железных дорог и всех средств сообщения; максимально быстрая реквизиция и обобществление добывающих предприятий (силами рабочих организаций) с целью наладить снабжение сырьем заводов, железных дорог, городского хозяйства и т. д.

Большевистское правительство подобных мер даже не предусматривало, ибо они неминуемо вели к уменьшению его роли, отодвинули бы его на второй план, быстро продемонстрировали бы его ненужность и, в итоге, позволили бы и вовсе без него обойтись. Оно не могло этого допустить.

Не желая ничего передоверять массам, но одновременно не имея еще достаточно сил, чтобы предпринять решительные действия в политической сфере, правительство не вмешивалось пока в ход вещей, ограничиваясь робкими и неэффективными экономическими мерами. Оно стремилось решать наиболее насущные проблемы главным образом политико-полицейскими и военными средствами: беспорядочными, произвольными и внезапными реквизициями силами воинских частей, действуя через их командиров (что, в числе прочего, настроило деревню против города и способствовало ее разочарованию в Революции), репрессиями, насилием и т. п.

Решительно протестуя против неверного пути, по которому большевики, по их мнению, собирались вести Революцию, анархисты оказались единственными, кто предлагал действительно популярные, социалистические и одновременно конкретные меры: меры, которые, как они считали, должны способствовать перерастанию Революции в подлинно Социальную.

Естественно, большевики к ним не прислушивались. А полностью поработанные новым правительством массы не могли ни услышать голос анархистов, ни высказаться сами.

Здесь мне хотелось бы целиком привести статью из «Голоса Труда» («Кривой путь», № 18 от 13 февраля 1918 г.), посвященную указу правительства большевиков относительно свободы печати. В статье четко изложены обе противоположные позиции по отношению к конкретной проблеме.

«Если пожелать перечислять накапливающиеся ежедневно у нас факты и явления, неопровержимо доказывающие, что нельзя творить социальную революцию «сверху», то уже можно было бы заполнить десятки газетных столбцов... Скучное занятие, однако! Предоставим эту работу кропотливым будущим историкам нашей революции. Они, несомненно, найдут в ее архивах богатейшие материалы, красноречиво говорящие о том, как *надо* «делать социальную революцию»... Нам же, право, надоело повторять, что ни истинная свобода вообще, ни подлинное и полное освобождение труда, ни новая культура, ни новая общественность — никакие *ценности социализма* не могут быть осуществлены путем централизованного «государственного аппарата», приводимого в действие рычагом

центральной политической власти, захваченной в руки политической партии. Не пора ли уже перестать говорить об этом — в той надежде, что завтра же *сама жизнь* с беспощадной ясностью докажет эту простую истину всем слепым?..

[...]

Избегая, скуки ради, останавливаться на многочисленных явлениях, которые уже подтверждают наше мнение, мы чувствуем, однако, необходимость отметить один, весьма яркий факт этого рода — факт «последней минуты».

Пред нами лежат только что опубликованные *«Временные правила о порядке издания всех периодических и непериодических печатных произведений в Петрограде»*.

Мы всегда считали беспощадную борьбу с буржуазной печатью непосредственной задачей трудящихся в эпоху социальной революции.

Представьте же себе, читатель, на минуту, что социальная революция идет с самого начала по-нашему, анархическому пути: создаются и объединяются в *классовую* организацию рабочие и крестьянские организации; они перенимают в свои руки хозяйственную жизнь страны и дают отпор враждебным силам буржуазии. Всем станет ясно, что *формы* борьбы с печатью как оружием буржуазии были бы совершенно иными, чем та форма, в которую выливается «отпор» нынешнего «социалистического» правительства.

Разве, в самом деле, эти «Временные правила» борются с буржуазной печатью?

Вчитайтесь в пункты 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 и т. д. этих «правил». Вчитайтесь в отдел «Закрытие и конфискация» — и вы воочию убедитесь, что эти правила — с первого пункта до последнего — являются актом, уничтожающим всякую тень *свободы печатного слова вообще*, типичным актом, устанавливающим *самую строгую цензуру неугодных правительству изданий*, откуда бы они ни исходили; актом, узаконивающим целый ряд абсолютно ненужных стеснений, формальностей, придирок...

Мы убеждены, что истинная рабоче-крестьянская революция боролась бы с буржуазной печатью совершенно иными методами и в иных формах.

Мы уверены, что истинным деятелям и борцам социальной революции не пришлось бы и не придется прибегать к казенному, типично властному *закону о цензуре*, имеющему в виду охранить существующее правительство от критики и борьбы *не только справа, но и слева* и вводящему целый ряд совершенно диких — с точки зрения свободы слова — и совершенно ненужных стеснений и формальностей.

Что ж! Всякий путь — говорили мы не раз — имеет свои роковые неизбежности. Слава богам, что данная неизбежность касается пока одного только Петрограда. Будем надеяться, что революционные массы остальной России опередят нашу спотыкающуюся столицу и сделают ненужным дальнейшее распространение «Временных правил» на провинцию. И будем надеяться, что этим *временным* «Правилам» действительно не суждено стать *постоянными*».

Анархисты предполагали, что рабочие организации, взяв в свои руки типографии и все средства печати, откажутся — что было бы просто и естественно — печатать и издавать контрреволюционные писания. Здесь, как и в других сферах деятельности, не понадобилось бы никакой *политики* (правительства, полиции и пр.) и можно было бы обойтись без цензуры.

Излишне говорить, что вскоре эти «Правила» распространились на всю страну и позднее легли в основу законов о печати, решительно запрещающих *любые неправительственные* (небольшевистские) *издания*.

В статье «Ближайшие задачи», слишком длинной, чтобы цитировать ее здесь, газета дает детальные советы по решению основных стоявших перед страной проблем. «Организация снабжения продовольствием», «Как разрешить жилищный вопрос», «Фабрики и заводы», «Банки», «Город и деревня», «Сырье и топливо», «Транспорт», «Общественные работы» — вот названия основных разделов статьи.

Естественно, немало материалов было посвящено крестьянскому вопросу («Дело крестьян» в № 22 и др.), многие редакционные статьи касались проблем рабочих («Дело рабочих» в № 11, «Рабочий съезд» и т. д.).

В заключение позволю себе привести любопытный отрывок из статьи, озаглавленной «Ленин и анархизм» (№ 5 от 19 декабря/1 января 1918 г.[24]):

«Благоразумные, аккуратные и осторожные «социалисты» на каждом шагу упрекают гражданина Ленина в приверженности к анархизму.

Возражения гражданина Ленина сводятся всякий раз к одному и тому же: «Подождите. Я еще *не совсем анархист*».

Анархисты нападают на гражданина Ленина за его пристрастие к догме марксизма.

Возражения гражданина Ленина сводятся всякий раз к одному и тому же: «Подождите. Я уже *не совсем марксист*».

Мы чувствуем, наконец, желание сказать всем, смущающимся в сердце своем: не тревожьтесь и не ждите. Гражданин Ленин — *совсем не анархист*».

И после краткого анализа позиции Ленина в отношении Революции статья заключает:

«И гражданин Ленин прав, говоря: мы отбрасываем парламентаризм, Учредительное Собрание и пр., потому что Революция породила Советы.

Да, Революция породила... не Советы только, а вообще — правильное, здоровое стремление к классовой, внепартийной, внегосударственной, неполитической организации. В этом стремлении — спасение революции. И гражданин Ленин был бы прав, если бы признал давным-давно, на заре своей юности, что истинная революция пойдет именно этим путем... Увы, он был в то время «чистым марксистом»...

А теперь?... О, конечно, все более и более сознательные анархические тенденции масс смущают его. С прежнего пути — массы уже свели гражданина Ленина. Он уступает, он сдается, он оставляет «государство», «власть», «диктатуру» лишь на час, на минутку, на «переходный момент»... А потом... потом — анархизм, почти анархизм... «советский» анархизм, «ленинский» анархизм...

И благоразумные, аккуратные и осторожные «марксисты» в ужасе кричат: «Вы видите? Вы слышите? Вы понимаете?... Ведь это же ужас! Разве это — марксизм? Разве это — социализм?..».

Но, Бог мой! Разве вы не предвидите, граждане социалисты, что скажет гражданин Ленин, когда нынешняя власть укрепится и, возможно, станет не прислушиваться более к голосу масс?

Он вернется тогда на свой привычный, проторенный путь. Он создаст самое подлинное «марксистское государство». И он, в торжественный час окончательной победы, скажет: «Вы видите, господа? Я опять *совсем марксист*».

Остается только один, главный вопрос: не станут ли массы ранее этого блаженного часа «совсем анархистами» и не помешают ли они гражданину Ленину вернуться к «совсем марксизму»?..»

К сожалению, я не могу привести здесь еще ряд статей из того же «Голоса Труда», «Анархии» (Москва), «Набата» (Украина). У меня в настоящее время нет возможности обратиться к нужным номерам. Но могу заверить, что, за исключением некоторых нюансов и деталей, содержание всех серьезных либертарных газет было схожим. Впрочем, процитированного достаточно, чтобы у читателя составилось ясное представление о принципах, позиции и деятельности анархистов во время Революции.

Могу добавить, что Анархистской Конфедерации Украины («Набат»), уничтоженной впоследствии большевистскими властями, удалось в ноябре 1918-го в Курске и в апреле 1919 года в Елисаветграде созвать два съезда, которые проделали важную работу. Они выдвинули либертарный план действий для всей Украины. Резолюции съездов содержали проработанные решения различных насущных проблем текущего момента.

Период между октябрём 1917-го и концом 1918 года был решающим: *именно эти несколько месяцев определили судьбу Революции*. Какое-то время она колебалась между двумя идеями, двумя путями. Затем произошло непоправимое: большевистскому правительству окончательно удалось установить свое *военное, полицейское, бюрократическое и капиталистическое* государство (новую модель).

Либертарная идея, все более становящаяся наперекор избранному пути, была удушена.

А широкие трудящиеся массы не имели ни достаточно сил, ни сознательности, чтобы сказать свое решающее слово.

Глава V. Несколько случаев из жизни

Несколько случаев из жизни позволят мне лучше показать особый характер той эпохи.

Однажды вечером в конце 1917 года двое или трое рабочих бывшего петроградского нефтяного завода Нобеля (там было занято около 4 тысяч человек) пришли на собрание нашего «Союза» и рассказали следующее:

Когда прежние хозяева покинули завод, рабочие после многочисленных собраний и дискуссий решили управлять им коллективно. В числе прочих они обратились и к «своему» правительству (большевистскому), прося помочь в осуществлении их замысла.

В Наркомтруде им заявили, что, к сожалению, в нынешних условиях ничего не могут для них сделать: не в состоянии обеспечить ни топливом, ни сырьем, ни заказами или клиентами, ни транспортом, ни оборотными средствами. В качестве утешения им сказали, что 90 % заводов находятся в таком же точно положении, и правительство вскоре примет меры, чтобы они вновь заработали.

Тогда рабочие попытались заставить завод работать собственными средствами, надеясь найти все необходимое для продолжения производства и обеспечения сбыта в достаточном объеме.

Однако Наркомтруд проинформировал Рабочий комитет завода, что, поскольку их случай не единичный и очень многие предприятия находятся в такой же ситуации, правительство решило закрыть их, уволить рабочих, выплатив им зарплату за два или три месяца, и ожидать лучших времен.

Рабочие завода Нобеля совершенно не были согласны с правительством. Они хотели продолжать работу и сохранить производство. У них возникла уверенность, что это удастся. Они сообщили об этом правительству. Ответом был категорический отказ. Правительство заявило, что, руководя всей страной и неся перед ней ответственность, оно не может допустить, чтобы каждый действовал на свое усмотрение, это привело бы к полному хаосу; правительство вынуждено принимать общие меры, а в том, что касается таких предприятий, как завод Нобеля, такой мерой может быть только закрытие.

Рабочие, созванные Заводским комитетом на общее собрание, выступили против этого решения.

Тогда правительство предложило им провести еще одно собрание, где его представители окончательно разъяснят подлинный смысл предложенной меры и необходимость ее применения.

Рабочие согласились. И некоторые из них, поддерживавшие связи с нашим «Союзом», поставили нас в известность и попросили прислать на собрание оратора, который бы разъяснил точку зрения анархистов. (Тогда это еще было возможно.) Заводские рабочие, сказали нам, будут очень рады узнать наше мнение, сравнить обе позиции, выбрать наилучшую и соответствующим образом поступить.

На собрание делегировали меня.

Я пришел первым. Большинство заводских рабочих собрались в большом цеху. На возведенном в центре возвышении сидели вокруг стола члены Комитета, ожидавшие представителей правительства. Собравшиеся были настроены серьезно и сдержанно. Я занял место на возвышении.

Вскоре очень «официально» (уже!), очень торжественно, с лоснящимися портфелями в руках вошли представители правительства. Их было трое или четверо, во главе с самим Шляпниковым, в то время Народным комиссаром труда.

Он выступил первым. Сухим официальным тоном он повторил положения принятого правительством постановления и изложил мотивы его принятия. В заключение он заявил, что решение это окончательное и пересмотру не подлежит, а противящиеся ему рабочие нарушают дисциплину, и это может повлечь за собой серьезные последствия как для них, так и для страны.

Его выступление было встречено ледяным молчанием, раздались лишь жидкие хлопки нескольких явных большевиков.

Тогда председатель собрания сказал, что некоторые рабочие хотели бы знать также точку зрения анархистов, и он передает слово присутствующему представителю Союза анархо-синдикалистов.

Я встал. «Члены правительства» были удивлены (очевидно, этого они не ожидали) и разглядывали меня с нескрываемым любопытством, смешанным с иронией, тревогой и досадой.

Последующее навсегда запечатлелось в моей памяти, настолько это было типично, убедительно и укрепило меня в моих убеждениях.

Обратившись к заводским рабочим, я сказал им примерно следующее:

— Товарищи, вы многие годы работаете на этом заводе. Вы хотите продолжать свободно трудиться на нем. Вы имеете на это полное право. Может быть, это даже ваш долг. Во всяком случае, бесспорный долг правительства — которое называет себя вашим — заключается в том, чтобы облегчить вам выполнение вашей задачи, поддержать ваше

решение. Но правительство только что еще раз повторило, что оно не в силах сделать это и потому закроет завод и уволит вас, не считаясь с вашим решением и вашими интересами. Я должен, прежде всего, сказать вам, что на наш взгляд — я говорю от имени «Союза анархо-синдикалистов», — бессилие правительства (называющего себя вашим) не является причиной для того, чтобы лишать вас честно заработанного куска хлеба».

Меня прервал гром аплодисментов.

— Наоборот, — продолжил я, — эти люди (я указал на «членов правительства»), которые называют себя «правительством» или как-то еще, должны были бы приветствовать вашу инициативу, одобрить вас и сказать, как говорим мы: поскольку власти бессильны, вам остается только один выход, это — выкручиваться самим, опираясь на собственные силы и средства. Ваше правительство должно было бы добавить к этому, что использует все возможности, чтобы оказать вам помощь, как только сможет. Я не член правительства и не хочу им быть; ибо никакое правительство, как вы видите, не способно ничего сделать ни для вас, ни для организации жизни людей в целом. Добавлю еще кое-что. Задам вам вопрос: у вас есть силы и средства, чтобы продолжить работу? Вы верите в успех? Могли бы вы, например, создать небольшие подвижные и деятельные команды, из которых одни занялись бы поиском топлива; другие проблемами сырья; третьи вопросами железнодорожных поставок; четвертые, наконец, заказами и клиентами, и т. д.? Все зависит от этого, товарищи. Если вы можете обеспечить себя всем необходимым, если верите в успех, вам остается только идти вперед, а правительство — «ваше» правительство — не должно, разумеется, рассматривать это как помеху, напротив... Что касается нас, анархистов, мы уверены, что сами рабочие, имея различные связи повсюду в стране и прекрасно зная основные составляющие своей работы, смогут — особенно когда их четыре тысячи — решить проблему гораздо проще и быстрее, чем правительство. Итак, мы считаем, что вам необходимы для этого лишь мобильные команды, состоящие из тех, кто по своим связям, знаниям и склонностям способен действовать энергично и успешно. Выполнив свои задачи, эти команды прекратят существование и их члены вольются в массу заводских рабочих. Что вы об этом думаете?

Ответом мне были единодушные и продолжительные аплодисменты. Одновременно некоторые кричали:

— Да! Да! Правильно! Мы подготовили все, что нужно. Мы можем продолжать. Мы ждем уже несколько недель...

— Постойте, товарищи, — сказал я, — вам не хватает топлива. Правительство отказывается предоставить его. Без топлива завод работать не может. Вы сумеете достать его сами, своими средствами?

— Да, да! — кричали в ответ. — На заводе есть пятнадцать человек, уже организованных и готовых отправиться в разные области; каждый со своими связями легко найдет топливо, подходящее для завода.

— А как доставить топливо сюда?

— Мы уже ведем переговоры с товарищами железнодорожниками. У нас будут вагоны и все необходимое. Этим занимается другая команда.

— А сбыт?

— Никаких трудностей, товарищ! Мы очень хорошо знаем клиентов завода и сумеем сбыть продукцию, все в порядке.

Я взглянул на Шляпникова и остальных. Они грозно вращали глазами и нервно стучали пальцами по столу.

— Хорошо, друзья! — продолжал я. — В таких условиях мы, анархисты, считаем: давайте действуйте, производите! Только еще одно. Вы, конечно, не будете вести себя как хозяева-капиталисты? Не будете нанимать работников и эксплуатировать их? Не создадите акционерное общество?

Раздался смех. И тут же несколько рабочих взяли слово и сказали, что, естественно, работать все будут коллективно, по-товарищески, только для того, чтобы выжить. Комитет проследит за работой предприятия. Наличные средства будут распределяться по справедливости и всеобщему согласию. Если появится излишек поступлений, он образует оборотные средства.

— И, — было сказано в заключение, — если мы нарушим солидарность трудящихся, пусть правительство нас накажет. А нет, пусть оно даст нам работать и полностью нам доверяет.

— Что ж, друзья, — закончил я свое выступление, — остается только начать. Желаю вам мужества и удачи!

Ответом мне был гром аплодисментов. Оцепенение сменилось необычайным оживлением. Повсюду вторили моим словам и не обращали больше внимания на «представителей правительства», которые неподвижно сидели на месте с искаженными лицами.

Тогда Шляпников прошептал что-то на ухо председателю. Тот исступленно зазвонил в колокольчик. Наконец установилось спокойствие.

Шляпников вновь попросил слова.

Холодно, хотя и не скрывая раздраженности, чеканя слова и сопровождая их командирскими жестами, он заявил, что, «как член правительства», ничего не может изменить — ни убавить, ни прибавить — в том, что уже сказал. Он повторил, что решение правительства окончательное.

— Это вы, — сказал он, — поставили нас у власти. Вы свободно, по доброй воле доверили нам судьбу страны. Так что вы доверяете нам и нашим действиям. Это вы, рабочий класс нашей страны, захотели, чтобы мы отстаивали ваши интересы. Отныне наше дело — знать их, понимать и заботиться о них. Само собой, наша задача — заниматься подлинными интересами всего трудящегося класса, а не той или иной группировки. Мы не можем

действовать — это и ребенку понятно — в частных интересах того или иного отдельного предприятия. Совершенно логично и естественно, что мы разрабатываем и утверждаем планы действий, касающиеся всего рабочего и крестьянского государства. Эти планы должны обеспечить ему будущее. Иное, то есть принятие или одобрение мер в пользу отдельного коллектива, было бы смешным, не отвечающим интересам народа в целом и преступным по отношению ко всему рабочему классу. Невозможность для нас немедленно разрешить разнообразные и сложные проблемы момента — временное. Она объясняется ужасными нынешними условиями — после всех пережитых несчастий, после хаоса, из которого мы едва выбираемся. Рабочий класс должен понимать это и иметь терпение. Нынешнее положение вещей не зависит от нашей воли. Не мы его создали. Мы все испытываем его тяжкие и неизбежные последствия. Это относится ко всем и продлится еще некоторое время. Рабочие должны вести себя так же, как и все остальные, а не пытаться создать привилегии для той или иной группы трудящихся. Подобное поведение было бы по сути своей буржуазным, эгоистическим и дезорганизующим. Если некоторые рабочие под воздействием анархистов, мелкобуржуазных дезорганизаторов по преимуществу, не хотят этого понять, тем хуже для них! Мы не можем тратить время на отсталые элементы и их вожаков.

И в заключение агрессивным тоном, исполненным угрозы, он заявил:

— Во всяком случае, я должен предупредить рабочих этого завода, а также господ анархистов, этих профессиональных неудачников и дезорганизаторов, что правительство ничего не может изменить в принятых с полным на то основанием решениях и что оно заставит так или иначе их уважать. Если рабочие сопротивляются, тем хуже для них! Они просто будут уволены без выходного пособия. Самых упрямых, застрельщиков, врагов дела всего пролетариата будут ждать гораздо более серьезные последствия. А что касается господ анархистов, пусть они поостерегутся! Правительство не потерпит, чтобы они вмешивались в дела, которые их не касаются, и подстрекали честных рабочих к неповиновению... Правительство сумеет покарать их, и без колебаний. Пусть имеют это в виду!

Эти последние слова были встречены крайне сдержанно.

После собрания меня окружили раздосадованные, возмущенные рабочие. Они прекрасно уловили фальшь в речи Шляпникова.

— Его речь была ловкой, но фальшивой, — говорили они. — Для нас не идет никакой речи о привилегиях. Такое толкование совершенно извращает нашу мысль. Правительство должно лишь позволить рабочим и крестьянам *всей страны* действовать свободно. Тогда оно увидит: все само собой наладится ко всеобщему удовлетворению. И ему будет меньше забот, трудов, да и разъяснений.

По сути, в этом типичном случае проявились и столкнулись все те же две концепции: правительственно-государственническая и общественно-либертарная. Каждая имела свои доводы и причины.

Еще рабочих возмутили угрозы, адресованные им и нам.

— Социалистическое правительство должно использовать другие методы, чтобы правда стала понятна, — говорили они.

Впрочем, у них было никаких иллюзий относительно исхода конфликта.

И действительно, несколько недель спустя завод был закрыт и рабочие уволены, сопротивление мерам, принятым «рабочим» правительством против рабочих, было невозможным.

Другой случай.

Летом 1918 года, после поездки на фронт Революции против немецкого нашествия (на Украину) я приехал в городок Бобров (Воронежской губернии), где жила моя семья.

Я был лично знаком с членами местного большевистского комитета, людьми молодыми. Им был известен мой опыт в сфере образования и просвещения взрослых, и они предложили мне организовать просветительскую и культурную работу в районе. (Тогда это называлось «Пролеткультом».)

Я согласился на двух условиях: 1) никакого вознаграждения (чтобы сохранить независимость методов и действий); 2) собственно полная независимость моей просветительской деятельности.

Комитет дал свое согласие. Местный совет, естественно, тоже.

Помню первое собрание созданной таким образом новой организации.

Я послал множество приглашений в рабочие организации города, в окрестные деревни, интеллигенции и пр. Вечером передо мной сидело десятка три сдержанных, недоверчивых, почти враждебных людей. Я сразу понял: они ожидали увидеть типичное собрание, большевистского «комиссара» с повадками диктатора, с револьвером на поясе, отдающего приказы и команды, которые следовало в точности исполнять.

На этот раз присутствующие увидели нечто совершенно иное.

Говоря с ними как друг, я сразу же объяснил, что в нашем деле необходима их собственная инициатива, подъем, воля и энергия. Я дал понять им, что у меня нет никакого намерения командовать, диктовать и навязывать им что бы то ни было. И пригласил их вести самим, по мере сил и ответственности, просветительскую и культурную деятельность в районе.

Воззвав таким образом к их доброй воле и способностям, я обрисовал одновременно свою роль: дружеская и эффективная помощь в разработке планов и программ; создание преподавательского корпуса; предложения и советы, основанные на личном опыте и знаниях, и т. д.

Я набросал приблизительную картину того, что мы могли бы сделать в районе, если будем сотрудничать и работать от души.

Затем последовал совершенно свободный обмен мнениями. И я констатировал, что пробудил у присутствующих некоторый интерес.

На следующее собрание пришло человек сто. Атмосфера была гораздо более доверительная и дружеская.

Понадобилось, однако, четыре или пять собраний, чтобы лед окончательно растаял и установилось полное взаимное доверие. Как только перестали возникать сомнения в моей искренности и задача показалась всем интересной и осуществимой, между нами возникла настоящая симпатия, а некоторые преисполнились подлинным энтузиазмом.

И тогда началась лихорадочная деятельность, масштабы и результаты которой вскоре превзошли все мои ожидания. Десятки людей, вышедших из народа, зачастую малообразованных, воодушевились и принялись за дело с таким пылом и умением, показали такое богатство идей и свершений, что мне оставалось только сопоставлять и координировать их усилия или принимать участие в подготовке наиболее важных дел.

Наши собрания, всегда публичные, где каждый мог вносить свои идеи, начали привлекать крестьян и даже крестьянок из отдаленных деревень. Во всем районе заговорили о наших делах. В базарные дни на собрания являлась целая толпа, весьма любопытная.

Вскоре возникла превосходная труппа передвижного народного театра, которая начала репетировать пьесы, отобранные тщательно и со вкусом.

Мы быстро нашли и оборудовали необходимые помещения.

Ремонт мебели; замена разбитых оконных стекол; изыскание за короткий срок школьных принадлежностей (тетрадей, карандашей, перьев, чернил и пр.), отсутствие которых ранее являлось серьезным препятствием в работе: таковы были наши первые шаги в сфере просвещения.

Была создана библиотека, куда люди охотно отдавали книги.

Начали функционировать вечерние курсы для взрослых.

Но местные власти послали отчет в Центр, в Москву. Там сразу поняли, что я действую по своему усмотрению, без «инструкций» и «предписаний» сверху; что все мы работаем свободно, не подчиняясь декретам и приказам из Москвы, которые в большинстве своем были в нашем районе неосуществимы или показывали свою полную нелепость.

Через местный Совет мне начали посылать «оттуда» большие пакеты декретов, предписаний, правил, формальных указаний, а также программ, проектов, планов, один фантастичнее и абсурднее другого. От меня требовалось строго следовать всем этим глупым бумажкам, неосуществимым распоряжениям.

Я пролистывал эту «литературу» и продолжал делать свое дело, не задумываясь о ней.

Это закончилось ультиматумом: подчиниться или уйти. Естественно, я выбрал второе, понимая, что исполнение инструкций из Москвы неизбежно погубит все дело. (Пусть читатель поверит мне, что дело это было мне интересно само по себе, я вполне лояльно выполнял свой профессиональный долг, никогда не высказывая свои анархические идеи. Речь никоим образом не шла о «разрушительной» пропаганде, в обращенных ко мне распоряжениях вопрос этот даже не ставился. Просто «Центр» не мог допустить, чтобы кто-то не следовал слепо его приказаниям.)

Все было кончено. После волнующего прощального собрания, когда все прекрасно поняли угрозу, нависшую над начатым делом, я подал в отставку.

Пришедший мне на смену верный слуга Москвы стал буквально применять инструкции «Центра». Через какое-то время люди разбежались. Организация, еще недавно полная жизни, быстро захирела и прекратила существование.

Следует добавить, что через несколько месяцев затея с «пролетарской культурой» потерпела жалкий провал во всей стране.

Еще один случай.

Как и рабочие Нобелевского завода в Петрограде, трудящиеся на различных предприятиях во многих городах и промышленных районах захотели самостоятельно наладить работу на заводах, которым угрожало закрытие, обеспечить и организовать обмен с деревней или преодолеть какие-либо другие трудности: улучшить деятельность различных служб, выправить положение, исправить ошибки, восполнить недостающее и пр. *Повсюду большевистские власти систематически запрещали массам действовать независимо, будучи сами чаще всего неспособными работать с пользой.*

Так, например, Совет города Елисаветграда (на юге страны) не смог бюрократическими методами разрешить ряд насущных экономических проблем местного значения, и рабочие нескольких заводов (в 1918–1919 годах такое еще было возможно) попросили у президиума Совета разрешения самим заняться этими вопросами, создать свои органы, объединить вокруг них всех рабочих города, действуя, разумеется, под контролем Совета.

Как и повсюду, им сделали строгий выговор и пригрозили санкциями за «дезорганизирующее» поведение.

Другой случай.

С приближением зимы во многих городах стал ощущаться недостаток в топливе не только для предприятий, но и для отопления жилищ.

В России последние всегда отапливались дровами. В лесистых местностях добыть топливо в нужное время — как правило, в конце лета — не составляло проблем. До Революции владельцы крупных дровяных складов часто договаривались с крестьянами окрестных

деревень, чтобы те рубили лес и привозили его на вокзал или на склад. Так происходило повсеместно в Сибири и других северных регионах, богатых лесом. После сбора урожая крестьяне охотно брались за это дело даже за небольшое вознаграждение.

После Революции городские Советы, превращенные волей правительства в административные органы, формально отвечали за снабжение города всем необходимым. Именно они должны были договариваться с крестьянами. Это было тем более важно, что владельцы складов исчезли, а железные дороги работали плохо.

Но из-за их бюрократической медлительности — болезни, свойственной всем официальным административным органам — Советам почти нигде не удавалось вовремя выполнить свою задачу.

Настал благоприятный момент для того, чтобы рабочие и жители городов сами договорились с крестьянами и обеспечили поставку дров. Естественно, Советы отказывали им, неизменно называя такие действия «произволом», «дезорганизацией» и утверждая, что снабжение должно быть делом официальных государственных органов, Советов, согласно общему плану, разработанному центральным правительством.

В результате города либо оставались без топлива, либо за него приходилось платить втридорога, подвоз его был крайне затруднен, так как после сентября из-за дождей и грязи дороги стали практически непроезжими.

Часто крестьяне решительно оказывались заготавливать дрова, даже за высокую плату (в сущности, большевистские бумажные рубли их мало привлекали), и их заставляли работать силой.

Я мог бы приводить подобные примеры на десятках страниц, так происходило повсюду. Читатель может приложить описанное мной ко всем сферам жизни и получит верную картину того времени.

Во всем: в производстве, на транспорте, в сфере обмена, торговли и т. д. — царил невыносимый хаос. И административные органы (Советы и пр.) неизменно оказывались бессильны.

В городах не хватало хлеба, мяса, молока, овощей. В деревне — соли, сахара, промышленных товаров.

Одежда гнила на складах больших городов. В провинции было нечего надеть.

Беспорядок, бесхозяйственность, бессилие господствовали повсюду и во всем. Но когда те, кто был заинтересован в разрешении проблем, хотели вмешаться, власти ничего не желали слышать. Правительство намеревалось «править» и не терпело никакой «конкуренции». Малейшее проявление духа независимости и инициативы расценивалось как «нарушение дисциплины», и за него полагались суровые санкции.

Исчезали величайшие завоевания, лучшие надежды Революции. Самое трагическое заключалось в том, что народ, в целом, этого не осознавал. Он пускал все на самотек, веря в свое «правительство» и в будущее. Правительство же создавало мощную, слепо повинующуюся ему силу принуждения. *И когда народ понял, было уже слишком поздно.*

После всего сказанного, я думаю, можно обойтись без комментариев. Достаточно отметить, что эти «случаи из жизни» *фактически* подтверждали нашу основную идею: подлинная Революция может быть лишь *свободным* делом рук миллионов людей, в ней заинтересованных, трудового народа. Как только вмешивается правительство и подменяет собой народ, *жизнь* оставляет Революцию: все приостанавливается, происходит откат назад; приходится начинать сначала.

И пусть нам не говорят, что народ «не хочет действовать», что «нужно заставлять его силой строить собственное счастье вопреки самому себе» и т. д. Все это чистый вымысел. Во время великой Революции народ как раз желает действовать. В чем он нуждается, так это в бескорыстной *помощи* убежденных революционеров, образованных людей, технических специалистов. Правда заключается в том, что касты, группы и люди, жадные до власти и привилегий, напичканные лживыми доктринами и презирующие народ, в который они не верят, *мешают ему действовать* вместо того, чтобы *помогать*, пытаются *управлять* им, *вести* его и, в конечном счете, по-своему *эксплуатировать*. А чтобы оправдать свои воззрения, приписывают ему «бессилие». Пока народы, то есть трудящиеся массы всех стран, не поймут этого и не воспротивятся реакционным устремлениям подобных элементов, революции ни к чему не приведут, и подлинное освобождение Труда останется утопической мечтой.

Мы сказали, что массы не осознавали смертельной опасности, нависшей над Революцией.

Но все-таки в новых условиях, созданных большевистским правлением, анархическая критика и идеи свободной инициативы и деятельности трудящихся масс совершенно естественно находили все больший отклик в народе.

И тогда либертарное движение начало быстро развиваться. А большевистское правительство, все более обеспокоенное его успехами, решило в ответ на «угрозу» анархизма прибегнуть к испытанному средству всех правительств: *беспощадным репрессиям*, помноженным на хитрость и насилие.